

На правах рукописи

Ключков Виктор Викторович

**ПАРТИЯ ТОРИ-КОНСЕРВАТОРОВ
И «КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
1822–1835 гг. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

**Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(новая и новейшая история)**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Ростов-на-Дону– 2018

Диссертация выполнена на кафедре зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» при участии кафедры всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный консультант: Узнародов Игорь Миронович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, политики и глобализации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Ростов-на-Дону)

Официальные оппоненты: Сергеев Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта» (г. Калининград)

Демидов Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина» (г. Рязань)

Мирошников Александр Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории зарубежных стран и востоковедения ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (г. Воронеж)

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь)

Защита состоится «05» октября 2018 г. в 13 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.101.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 231. E-mail: dissovet.fismo@kubsu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского государственного университета. Электронная версия автореферата размещена на сайте ВАК при Минобрнауки РФ: <http://vak.ed.gov.ru>. Диссертация и автореферат размещены на сайте Кубанского государственного университета: <http://www.kubsu.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф.

А.В. Баранов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В исторической науке существуют проблемы, внимание к которым не ослабевает с течением времени. Каждому поколению историков свойственно стремление переосмысливать достижения предшественников, оживляя исторических персонажей, которым прежде не уделялось внимания, извлекая новые и по-иному рассматривая прежние комплексы источников. Меняются установки сознания и историографические предпочтения, возникают новые объяснительные модели, способы описания и речевые конструкции. Всякий раз, когда накопление фактического и историографического материала дает возможность иначе подойти к осмыслению исторических концепций, исследователи предпринимают попытку создать новый образ прошлого.

Конституционная история и история партийно-политической системы Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. является достаточно традиционным объектом исследования. Указанный период привлекает внимание чрезвычайной насыщенностью важнейшими событиями в области конституционного устройства, истории политических партий и религиозной истории. Эти события оказали решающее влияние на завершение становления конституционной монархии в Великобритании первой трети XIX в.

Среди теорий, переосмысление которых спровоцировало всплеск интереса к конституционной истории Великобритании и истории партийно-политической системы страны первой трети XIX в., особое место занимает концепция «конституционной революции» 1828–1832 гг. Когда она оформилась в начале 1960-х гг., претензии ее сторонников ограничивались весьма умеренной критикой установок традиционной вигской историографии, в соответствии с которыми в Англии конца XVII в. был установлен политический режим конституционной монархии. Новый взгляд базировался на убеждении, что появление конституционной монархии – не одномоментный акт, а растянутый во времени процесс, завершившийся с первой парламентской реформой 1832 г. Двадцать лет спустя появился ряд работ, в которых Англия 1688–1832 гг. рассматривалась как страна «старого порядка», где политическая традиция, основанная на комплексе прерогативных и религиозных ограничений, парламентская процедура и уникальное общее право составили комплекс факторов, сделавших возможным постепенный переход от корпоративного политического представительства к конституционным механизмам современного типа. Эти обстоятельства вновь сделали актуальным осмысление конституционного устройства страны «долгого XVIII в.», многие аспекты которого, будучи помещенными в более широкий контекст, подверглись существенному пересмотру. В итоге историки постепенно осознают, что Славная революция 1688 г. и «конституционная революция» 1828–1832 гг. – это начальный и конечный этапы становления конституционной монархии в Великобритании.

Столь существенной актуализации исследовательской повестки способствовало и то, что осторожное отношение историков к проблемам конституционной

истории Великобритании первой трети XIX в. постепенно распространилось на исследования в области партийно-политической системы. К началу XXI в. общим местом стала позиция, в соответствии с которой в период «конституционной революции» политическая система Великобритании переживала трудный и мучительный переход от парламентских фракций, построенных на основе корпоративных связей и патронажа, к политическим партиям современного типа. Это делает оправданным повышенное внимание к истории партии тори, которая в этот период опережала политических оппонентов в данном отношении. История партийно-политической системы всегда составляла самостоятельный сюжет в британской историографии, но в последние пятнадцать лет наметилась тенденция к преодолению этой устоявшейся тенденции. Это сделало актуальным не только изучение комплекса факторов, благодаря которым в ходе «конституционной революции» в Великобритании оформился политический режим конституционной монархии, но и поставило под вопрос хронологию «конституционной революции» и принципы, на основе которых она построена.

Не следует думать, что актуальность исследования обусловлена только историографическими обстоятельствами. Возрождение интереса к конституционной истории Великобритании и истории партийно-политической системы страны начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. связано и с появлением объяснительных моделей, по-новому интерпретирующих ключевые события данного периода. Рационализация отношения к традиции и роли общего права в эволюции политических институтов, переходный характер социального порядка «долгого XVIII в.», новый взгляд на суть и смысл внутриэлитных конфликтов первой трети XIX в., – все эти обстоятельства сделали изучение заявленных проблем актуальным. Тема имеет и достаточно выраженное практическое значение. Исследование обстоятельств, способствовавших эволюционному переходу к демократии, соответствующих политических практик, может быть актуальным для современной России.

Объект диссертационного исследования – конституционное устройство и партийно-политическая система Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в., включая комплекс политических институтов, институтов участия и политических практик, способствовавших трансформации политической системы страны на завершающем этапе становления конституционной монархии.

Предмет исследования – партия тори-консерваторов в период с 1822 г., когда в партии появляется фракция «либеральных тори», до 1835 г., когда завершила деятельность первый консервативный кабинет Р. Пиля. Трансформация организационной структуры партии тори, радикальная смена политических принципов партии, а также постепенное формирование новой парламентской стратегии и тактики консерваторов помещаются в более широкий контекст. Трансформация партии тори рассматривается как неотъемлемая и взаимообусловленная часть изменений в конституционном устройстве, институтах политической власти и политических практиках в рассматриваемый период. Кроме того, в предмет исследования входит ряд вопросов, связанных с влиянием ан-

глийского общего права на эволюцию политических институтов и практик в период «конституционной революции».

Хронологические и географические рамки исследования. Исследование конституционного устройства и партийно-политической системы Великобритании, соответствующих политических институтов, институтов участия и политических практик охватывает период начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. Нижняя хронологическая граница исследования отнесена к 1822 г., когда в торийском кабинете лорда Ливерпуля формируется фракция «молодых» или «либеральных» тори. Именно в это время прекращается прерогативное вмешательство английской короны в повседневную деятельность кабинета министров. Оба факта хорошо известны по отдельности, но редко рассматриваются вместе и практически никогда – в качестве обоснования нижней хронологической границы «конституционной революции».

Что касается верхней хронологической границы исследования, то ее отнесение к 1835 г., когда ушел в отставку первый консервативный кабинет Р. Пиля, также увязывается с целым комплексом факторов. С точки зрения истории партийно-политической системы страны правительство Р. Пиля, находившееся у власти с декабря 1834 по апрель 1835 гг. оказалось последним кабинетом парламентского меньшинства. Если принять во внимание тот факт, что после 1835 г. корона прекратила прерогативное вмешательство в процесс формирования кабинета министров, то отнесение верхней хронологической границы «конституционной революции» к 1835 г. представляется оправданным.

Современных исследователей партии тори в основном привлекает период, когда происходил либо уже произошел раскол консервативной партии в результате кризиса, вызванного отменой хлебных законов в 1846 г. Но число работ, в которых рассматривается период 1822–1835 гг., имеющий чрезвычайно важное значение для становления организационной структуры консервативной партии и ее политических принципов, остается незначительным. В них изучение истории консервативной партии обычно начинается со времени первых после парламентской реформы выборов, а вне внимания оказывается период 1822–1832 гг., имеющий принципиальное значение для становления общих принципов консерватизма и консервативной партии. То же можно сказать и о деятельности консервативной партии на парламентских сессиях 1833 и 1834 гг. Религиозные проблемы, оказавшиеся в центре внимания в ходе парламентских дебатов в этот период, изучены гораздо слабее периода 1828–1829 гг.

При анализе вопросов, связанных с конституционным устройством и партийно-политической системой Великобритании, зачастую возникает необходимость обобщений более широкого характера, чем предполагают хронологические рамки. Это объясняется традиционным характером английских политических институтов и практик, общего права.

Географические рамки исследования ограничены территорией Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса. Поскольку работа охватывает первую треть XIX в., термины «английский» и «британский» используются как синонимы за исключением случаев, оговариваемых особо.

Степень изученности проблемы. Вопросы конституционного устройства и партийно-политической системы Великобритании первой трети XIX в., а также комплекс вопросов, связанных с трансформацией политических институтов и практик в период «конституционной революции», не единожды становились предметом научного осмысления и серьезных историографических дискуссий. Но комплексное изучение элементов конституционного механизма страны, которые подверглись трансформации в 1822–1835 гг., предпринятое в сочетании с исследованием роли политических партий в этом процессе, а также анализ факторов, обусловивших характер и направленность изменений политической системы страны в ходе «конституционной революции», – тема, только формирующаяся в современной историографии. Конституционное устройство Великобритании первой трети XIX в., роль общего права в ограничении прерогативных полномочий английской короны и трансформации парламента из корпоративного политического представительства и проводника ординарной прерогативы в представительный орган власти современного типа, изменяющееся место и роль партий вигов и тори, переживающих процесс эволюции от парламентских фракций к политическим партиям современного типа, – все эти сюжеты остаются в современной историографии достаточно обособленными. Что касается комплексного изучения указанных вопросов, то такие исследования до последнего времени не заявлены в качестве самостоятельной научной проблемы. Системный анализ трансформации конституционного устройства, политических институтов и практик, партийно-политической системы Великобритании 1822–1835 гг. требует подробного обращения к вопросам, уходящим корнями в «долгий XVIII в.», а он остается недостаточно изученным в отечественной историографии. В этой связи исследование, в котором все отмеченные факторы рассматриваются во взаимосвязи и взаимообусловленности, может стать весьма важным для формирования нового, более взвешенного взгляда на проблему «конституционной революции», позволяя раскрыть характер и направленность изменений в политической системе страны на завершающем этапе становления конституционной монархии в Великобритании.

В отечественной историографии «конституционная революция» в Великобритании конца 20-х – середины 30-х гг. XIX в. редко рассматривается как самостоятельная научная проблема. Среди монографических исследований последнего времени примечательное исключение составляет работа известного исследователя политической истории Великобритании XVIII–XIX вв. М.П. Айзенштат «Власть и общество Британии 1750–1850 гг.». В качестве относительно самостоятельного рассматривается период с 1822 г., когда к власти приходят «либеральные тори», до 1835 г., когда потерпело неудачу первое консервативное правительство Р. Пиля. В ходе анализа тенденций в эволюции конституционного устройства и партийно-политической системы Великобритании после 1822 г, М.П. Айзенштат употребила весьма показательный термин «начальный этап трансформации институтов старого порядка».¹ В работах М.С. Стецкевича затрагиваются религиозные аспекты «конституционной рево-

¹ Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750–1850. М., 2009. С. 203.

люции», в частности, взаимосвязь конституционных реформ с предоставлением политических прав диссентерам в 1828 г. и эмансипацией католиков 1829 г., а также определена позиция епископата официальной англиканской церкви по отношению к реформе политического представительства 1832 г.¹ Ю.В. Бунькова и Б.Д. Хочуев исследуют эволюцию английского конституционализма и трансформацию партий.² И.В. Потапов акцентировал внимание на роли электоральных реформ в становлении политического режима конституционной монархии в Великобритании первой трети XIX в.³

Характерной особенностью отечественной историографии последнего времени стало постепенное возрождение интереса к религиозной проблематике. Эта тенденция отчетливо проявилась с начала 2000-х гг., оформившись к настоящему времени в отдельное историографическое направление. В монографиях Т.Л. Лабутиной и М.А. Липкина выяснены общие проблемы национальной и религиозной идентичности.⁴ М.С. Стецкевич исследовал роль антикатолицизма в формировании британского национального самосознания.⁵ Особого внимания заслуживают качественные и основанные на широком круге источников монографии Т.С. Соловьевой, посвященные религиозной политике «либеральных тори» и эмансипации католиков в Англии 1829г.⁶ Роль герцога Веллингтона в разрешении политического кризиса, связанного с эмансипацией католиков, исследуется в статье Ю.И. Кузнецовой.⁷ А.Н. Сединкин изучил позиции англиканского духовенства по отношению к эмансипации католиков в Англии.⁸ Историографические аспекты проблемы обстоятельно разобраны А.В. Мирошни-

¹ *Стецкевич М.С.* Религия и политика в Англии конца 1820-х гг.: конституционные реформы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2014. № 4. С. 44–52; *он же.* «Конституционная революция» в Англии (1828–1832 гг.) и англиканский епископат // Управленческое консультирование. 2015. № 4 (76). С. 183–190.

² *Бунькова Ю.В. Хочуев Б.Д.* Эволюция английского конституционализма и политические партии в XIX в. // Гуманитарный профиль. Нальчик, 2015. С. 133–138.

³ *Потапов И.В.* Роль электоральных реформ в преобразовании Великобритании в парламентскую монархию в XIX в. // Управленческое консультирование. 2008. № 4 (32). С. 184–193.

⁴ *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005; *Липкин М.А.* Англия или Британия? Дискуссия о национальной идентичности (История, культура и политика в Соединенном Королевстве) // Россия и Британия. Вып. 3. В мире английской истории. М., 2002; *он же.* Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках национальной идентичности // Национализм в мировой истории. М., 2007.

⁵ *Стецкевич М.С.* Антикатолицизм и британское национальное самосознание: проблемы историографии // Труды кафедры новой и новейшей истории С.-Петерб. ун-та. 2011. № 7. С. 156–164.

⁶ *Соловьева Т.С.* Религиозная политика либеральных тори в Англии (20-е гг. XIX в.) М., 2000. *она же.* Эмансипация католиков в Англии в 1829 г. // Религии мира. История и современность. М., 2003.

⁷ *Кузнецова Ю.И.* Герцог Веллингтон и эмансипация католиков // Личность в эпоху нового и новейшего времени. 2015. С. 252–257.

⁸ *Сединкин А.Н.* Англиканское духовенство и проблема эмансипации католиков в Великобритании в 20-е гг. XIX в. // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Сер.: История. 2012. № 11 (265). Вып. 50. С. 95–102.

ковым.¹ Предоставление политических прав диссентерам в 1828 г. стало предметом специального исследования в работах А.В. Царегородцева и А.В. Сидоренкова.² Т.В. Петрова исследовала проекты церковных реформ тори и виггов в период «конституционной революции» на материале политических трактатов и памфлетов.³

Традиционным сюжетом для отечественной историографии остается реформа политического представительства 1832 г. Особого внимания заслуживает дискуссионная статья М.И. Романовой. В ней отчетливо прослеживается характерная тенденция последнего времени, заключающаяся в комплексном подходе к проблеме и попытке проследить влияние реформы 1832 г. не только на систему политического представительства, но и на конституционное устройство и партийно-политическую систему.⁴ В этом же ключе выдержаны работы М.С. Стецкевича и Г.И. Самойловой.⁵ Политические последствия реформы 1832 г. исследовал М.В. Жолудов.⁶ Следует отметить, что и сегодня в отечественной историографии парламентской реформы 1832 г. встречаются исследования, выполненные весьма традиционно, с использованием объяснительных моделей, характерных еще для 1980-х гг.⁷

В последнее десятилетие в отечественной историографии наметилась тенденция к более внимательному отношению к событиям 1830–1831 гг., предшествующих парламентской реформе, а также к деятельности первого пореформенного парламента в религиозной сфере. Это способствует более цельному восприятию не только политического процесса, но и религиозных аспектов «конституционной революции». Особого внимания заслуживают работы В.Н. Борисенко, Н.П. Баутиной, М.В. Жолудова, В.В. Ключкова, Ю.И. Кузнецо-

¹ *Мирошников А.В.* Советская и российская историография новой истории Ирландии // Шэмрок. Ирландские исследования (история, политика, культура). Воронеж, 2004. С. 9–24.

² *Царегородцев А.В.* О некоторых аспектах эволюции английского протестантизма в XVI – первой половине XIX вв. сквозь призму становления буржуазного этоса // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2009. № 12. С. 99–108; *Сидоренков А.В.* Чарльз Грей и религиозная ситуация в Англии в конце XVIII – первой трети XIX в. // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2009. № 4. С. 17–24.

³ *Петрова Т.В.* Проекты церковной реформы в английских памфлетах и трактатах 1828–1832 гг. // Научный диалог. Екатеринбург, 2016. № 2 (50). С. 283–295.

⁴ *Романова М.И.* Парламентская реформа 1832 г. в Англии и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 58–68.

⁵ *Стецкевич М.С.* Парламентская реформа 1832 г. и церковь Англии // Труды кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2014. № 13. С. 59–72; *Самойлова Г.И.* Парламентская реформа 1832 г. в Англии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 7 (Ч. 1). С. 68–72.

⁶ *Жолудов М.В.* К вопросу о политических последствиях парламентской реформы 1832 г. в Великобритании // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. 2015. С. 112–116.

⁷ *Бунькова Ю.В., Тамазов М.С., Аттоева Л.З.* Парламентская реформа 1832 г. в Великобритании: начало полномасштабной модернизации государственного строя // Культура, духовность, общество. 2014. № 14. С. 64–69; *Минькова А.А., Явнова И.И.* Парламентская реформа 1832 г. в Великобритании // Инновационная наука. 2016. № 10. С. 196–197.

вой и А.В. Минаева.¹ Сохраняется тенденция, заложенная еще в 1990-е гг., связанная с традиционным вниманием отечественных историков к историческому портрету.² Кроме того, за последние пятнадцать лет защищено несколько примечательных диссертационных исследований.³

¹ *Борисенко В.Н., Кузнецова Ю.И.* Периодические издания 1830–1831 гг. о событиях в Англии и Июльской революции во Франции // Труды кафедры истории нового и новейшего времени С.-Петербур. гос. ун-та. 2008. № 2. С. 199–221; *Баутина Н.П.* Июльская революция 1830 г. во Франции и британский парламент // Наука и школа. 2011. № 2. С. 132–134; *Жолудов М.В.* Британские либералы и июльская революция 1830 г. во Франции // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. 2013. С. 65–68; *Кузнецова Ю.И.* Реформ или революция? Вопросы внутриполитического развития Англии и Июльская революция 1830 г. во Франции // Труды кафедры истории нового и новейшего времени С.-Петербур. ун-та. 2008. № 2. С. 270–280; *Клочков В.В.* Парламентская сессия 1833 г. в Великобритании: проблемы ирландской церкви и становление новых конституционных принципов // Юрист-Правовед. Ростов н/Д, 2016. № 1 (74). С. 65–70; *он же.* «Акт о владениях и доходах ирландской церкви» 1833 г. и его роль в церковной политике британских консерваторов // Философия права. Ростов н/Д, 2017. № 2. С. 61–64; *Минаев А.В.* Британский внутриполитический процесс на страницах «Вестника Европы» Н.М. Карамзина // Наука и школа. 2008. № 4.

² *Викторианцы. Столпы британской политики XIX в.* / под ред. И.М. Узнародова. Ростов н/Д, 1996; *Клочков В.В.* Сэр Роберт Пиль: штрихи к портрету «консервативного реформатора» // Постигание политики / под ред. И.М. Узнародова. Ростов н/Д, 1997. С. 28–41; *он же.* Уильям Шоу Мэйсон, «Акт о владениях и доходах ирландской церкви» 1833 г. и церковная политика британских консерваторов в первой половине 30-х гг. XIX в. // Концепт. Армавир, 2017. Т. 31. С. 812–816; *Горбашова Н.Ф.* Р. Пиль – образец новой политической элиты Британии первой половины XIX в. // Вестник Марийск. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. Йошкар-Ола, 2015. Т. 1. № 1. С. 18–26; *Борисенко В.Н., Кузнецова Ю.И.* Политическая биография сэра Роберта Пилля в историографии (вторая половина XX – начало XXI в.) // Клио. СПб., 2015. № 8. С. 215–225; *Барышников В.Н., Борисенко В.Н., Кузнецова Ю.И.* Тамуортские манифесты Роберта Пилля и процесс консолидации консерваторов в первой половине 1830-х гг. // Управленческое консультирование. 2015. № 9 (81) С. 149–158; *Аракелян Г.С.* «Кредо Ноусли» и Тамуортский манифест 1834 г. (компаративный анализ) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых ученых. Калининград, 2015. № 9. С. 27–37; *Кузнецова Ю.И.* Герцог Веллингтон и эмансипация католиков // Личность в эпоху нового и новейшего времени. 2015. С. 252–257; *Баутина Н.П.* Правительство герцога Веллингтона и Июльская революция 1830 г. во Франции // Преподаватель XXI век. 2011. Т. 2. № 2. С. 242–247; *Сидоренков А.В.* Чарльз Грей и религиозная ситуация в Англии в конце XVIII – первой трети XIX в. // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2009. № 4. С. 17–24; *Сидоренков А.В.* Чарльз Грей в отечественной историографии // Вестник Балтийск. гос. ун-та им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. Калининград, 2008. №12. С. 53–56.

³ *Апарина О.Ю.* Высшие органы государственной власти и политическая элита Великобритании в 60-80-е гг. XVIII в. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; *Барлова Ю.Е.* Дискуссия по вопросу о реформировании парламента в Англии, 1779–1785 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999; *Сидоренко Л.В.* Монархия и кабинет министров Великобритании: проблема взаимоотношений в 1760–1783 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008; *Кашанов У.А.* Борьба партий и общественно-политических движений в Англии в период проведения первой парламентской реформы. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1994; *Пономарева В.В.* Эволюция политической группировки Ливсон–Гоуэров в Великобритании конца XVIII – первой трети XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1996; *Клочков В.В.* Кризис партии тори и формирование политической стратегии британского консерватизма (1828–1835 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1999; *Соловьева Т.С.* Религиозная политика либеральных тори в

Что касается отечественной историографии партийной системы Великобритании конца 20-х – середины 30-х гг. XIX в., то до середины 1990-х гг. она находилась в состоянии становления. В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. увидели свет две теоретические работы, посвященные анализу консерватизма как идеологического и социального феномена.¹ Также следует отметить работу М.П. Айзенштат, в которой рассматривается история консервативной партии в 1832–1846 гг., две работы Г.Ф. Горбашовой по сходной тематике.²

С начала XXI в. в отечественной историографии начался новый этап изучения истории партийной системы Великобритании первой трети XIX в., связанный с постепенным накоплением фактического материала и конкретизацией направлений исследования. Применительно к партии тори круг вопросов, нуждающихся в изучении, включал следующие аспекты: исследование конституирования консервативной партии в стенах парламента и формирования ее организационной структуры, анализ деятельности консерваторов по созданию консервативных ассоциаций на местах; определение степени приверженности консерваторов к реформистской политике до и после парламентской реформы 1832 г., или, иначе говоря, определение границ, стратегических и тактических пределов «консервативного реформизма», его политической сущности; изучение кризисного развития партии тори в 1828–1830 гг. с целью осознания роли данного кризиса в процессе формирования новых консервативных принципов; анализ политического лидерства в консервативной партии в 1833–1835 гг. и стратегических причин неудач первого консервативного кабинета 1834–1835 гг. Исследованию указанных проблем посвящены работы Ю.В. Буньковой, Б.Д. Хочуева, А.С. Гавриковой, А.С. Герасиной, М.В. Жолудова, А.А. Киселева, В.В. Ключкова, Ю.И. Кузнецовой, В.В. Пономаревой и С.Ю. Тороповой.³

Англии (20-е гг. XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Пономарева В.В.* Генезис британского парламентаризма в XIII – начале XIX вв. (историко-правовое исследование). Дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2002; *Минаев А.И.* Британский парламентаризм и его влияние на развитие государственно-правовых институтов России. Конец XVIII – начало XX в. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; *Царегородцев А.В.* Протестантизм и становление буржуазного этоса в Великобритании в период промышленного переворота (последняя треть XVIII – середина XIX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010.

¹ *Галкин А.А., Рахмимир П.Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем: О социальных корнях консервативной волны. М., 1987; *Исследования по консерватизму. Сб. материалов междунар. науч. конф.* Пермь, 1994.

² *Айзенштат М.П.* Британский парламент и общество в 30–40-х гг. XIX в. М., 1997. С. 112–144; *Горбашова Г.Ф.* Консервативная партия Великобритании в 30–40-х гг. XIX в. // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в средние века и новое время. Йошкар-Ола, 1990. С. 108–117; *она же.* Формирование организационной структуры консервативной партии Великобритании (30-е гг. XIX в.) // Политика и культура стран Европы и Америки. Йошкар-Ола, 1996. Ч. 2. С. 3–14.

³ *Бунькова Ю.В., Хочуев Б.Д.* Эволюция английского конституционализма и политические партии в XIX в. // Гуманитарный профиль. Нальчик, 2015. С. 133–138; *Гаврикова А.С.* К вопросу об организационном оформлении английских партий в XIX в. // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания. М., 2015. С. 6–8; *Герасина А.С.* Партийно-политическая система Великобритании в условиях борьбы за избирательные реформы XIX в. // *European Social Science Journal.* М., 2012. № 10 (26). С. 360–367; *Жолудов М.В.* Двухпартийная система

Таким образом, в отечественной историографии в последнее двадцатилетие произошли значительные перемены. Оформились ключевые направления исследования, появились оригинальные подходы, что особенно заметно на историографическом материале последнего десятилетия. Тем не менее, по-прежнему сохраняется тенденция к относительно изолированному рассмотрению вопросов конституционного устройства, политических институтов и практик, партийно-политической системы и религиозных аспектов «конституционной революции». Указанный термин получил достаточно прочное закрепление в работах отечественных историков, но количество исследований, в которых концепт «конституционной революции» исследовался комплексно и с учетом его меняющегося во времени содержания, еще невелико.

В зарубежной историографии характер и направленность тех изменений, которые произошли в конституционном устройстве, религиозной сфере и партийно-политической системе Великобритании в ходе «конституционной революции» конца 20-х – начала 30-х гг. XIX в., периодически вызывали в прошлом и продолжают провоцировать сегодня многочисленные историографические дискуссии. Незатухающий интерес к указанной проблематике в англоязычной историографии объясняется несколькими обстоятельствами. Англоязычная историография акцентирует внимание на меняющемся во времени содержании концепта «конституционной революции».¹ Возникнув более полувека назад как реакция на традиционные построения «вигской интерпретации истории», со временем этот концепт приобрел не только отличное от первоначального содержание, но и спровоцировал появление более взвешенного подхода к оценке перемен в конституционном устройстве и политической системе страны в первой трети XIX в. Историографические подходы середины 1980-х гг., оценивающие Англию на протяжении «долгого XVIII в.» и вплоть до парламентской реформы 1832 г. как страну «старого порядка», сегодня уже не кажутся столь революционными, как в момент своего появления. Пристальное внимание к по-

Великобритании после принятия парламентской реформы 1832 г. (30–50-е гг. XIX в.) // Россия, Запад, Восток во всемирной истории. Сб. науч. тр. Рязан. гос. пед. ун-та им. С.А. Есенина. Рязань, 2003. С. 130–144; *он же*. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е гг. XIX в. Рязань, 1997; *он же*. Развитие двухпартийной системы Великобритании в первой половине XIX в. // Очерки истории Великобритании XVII–XX вв. М., 2002; *Киселев А.А.* Проблема формирования английской двухпартийной системы в историографии // Власть. 2011. № 7. С. 162–165; Клочков В.В. Ф.Р. Бонэм и электоральная организация партии тори-консерваторов в 1830–1835 гг. // Концепт. 2015. Т. 3. С. 83–89; *он же*. «Оппозиция Его Величества»: партия тори в поисках новых инструментов обеспечения партийного единства в 1830–1834 гг. // Исторические, философские и политические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 7 (81). Ч. 1. С. 83–85; *Кузнецова Ю.И.* Современный взгляд на раннюю историю консервативной партии Великобритании // Научно-технические ведомости С.-Петерб. гос. политехн. ун-та. Гуманитар. и обществ. науки. 2016. № 1 (239). С. 117–124; *Пономарева В.В.* Ins and Outs: институт парламентской оппозиции в Великобритании XVIII в. // Известия ВУЗов. Правоведение. СПб., 2002. № 3. С. 228–238; *Торопова С.Ю.* Становление и развитие двухпартийной системы викторианской Англии. Ярославль, 1998.

¹ Ввиду значительности объема англоязычной историографии проблемы дан лишь краткий очерк эволюции ее основных направлений.

литической традиции, заложенное авторами концепта «конституционной революции» за четверть века до этого, сыграло в этом важную роль.

В британской историографии конституционная, политическая и религиозная история, история партийно-политической системы традиционно составляют отдельные и зачастую изолированные исследовательские темы. История партийной системы справедливо оценивается как «слишком самостоятельный» сюжет в британской историографии.¹ Именно в историографии партийной системы страны в конце 1980-х – середине 90-х гг., одновременно с концепциями «старого порядка» в конституционной истории возобладало более взвешенное отношение к оценке роли политических партий в политической системе страны. Относительная историографическая самостоятельность в изучении проблем, связанных с историей партийно-политической системы в первой трети XIX в., в этом случае оказалась полезной.

Что касается британской историографии конституционного устройства, политической и религиозной истории, истории партийно-политической системы Великобритании периода «конституционной революции» последнего пятнадцатилетия, то тенденция к осторожной оценке результатов реформ политического представительства и религиозных реформ, изменений, которые произошли в партийно-политической системе страны, заложенная в предыдущие годы, остается доминирующей. Укреплению ее значимости способствовало появление новых объяснительных моделей – концепции социальных порядков Д. Нортона и Дж. Уоллиса и теории конфликта элит Р. Лахмана.² Именно эти объяснительные модели наряду с рациональной теорией традиции известного английского специалиста в области философии истории М. Оукшотта, появившейся еще в 1970-е гг., способствовали тому, что концепт «конституционной революции» в английской историографии не только обрел собственную историографическую традицию, но и оказался вновь актуальным в свете последних исследований.

Концепт «конституционной революции» в его первоначальном варианте сформирован в работах Дж. Беста и одного из его последователей С. Беннетта. Именно Дж. Бест впервые употребил термин «конституционная революция» применительно к событиям британской конституционной и политической истории 1828–1832 гг. Общий смысл, вкладываемый в данное понятие Дж. Бестом и С. Беннеттом, состоял в том что, по их мнению, именно в этот период произошло постепенное превращение корпоративного и полуконфессионального государства в его либерального наследника. Дж. Бест и С. Беннетт подчеркивали, что полного слома «старого порядка» не произошло, несмотря на всю ответственность перемен.³ Более поздний последователь Дж. Беста Р. Хоул акценти-

¹ Семенов С.Б. Английский парламент: от сословного представительства к современному парламентаризму // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. М., 2014. С. 84.

² Эти концепции проанализированы в гл. 1.

³ Best J.A. The Constitutional Revolution, 1828–1832 and its Consequences for the Established Church // Theology. 1959. Vol. 62. № 468. P. 226–234; Bennett S. Catholic Emancipation, the “Quarterly Review” and Britain’s Constitutional Revolution // Victorian Studies. 1969. Vol. XII. № 3.

ровал внимание на тесной связи конституционных преобразований 1828–1832 гг. с отменой ограничений для диссентеров и эмансипацией католиков. Реформа политического представительства 1832 г. оценивается исследователем как логическое продолжение религиозных преобразований, осуществленных торийским кабинетом Веллингтона.¹ Позицию Р. Хоула разделяют Дж. Уолш и С. Тэйлор.² В конце 1990-х – начале 2000-х гг. выходят обобщающие работы Ф. О’Гормана, А. Бернса и Дж. Иннес, в которых подчеркивается, что «конституционная революция» – это достаточно сложный историографический концепт с меняющимся во времени содержанием. Накопление исторического материала и появление новых объяснительных моделей требуют комплексного изучения указанного концепта, основанного на учете последних достижений в области конституционной, политической и религиозной истории, истории партийно-политической системы.³

Такое понимание «конституционной революции» во много predetermined работами Дж. Кларка и Дж. Блэка, увидевшими свет в середине 1980-х – конце 1990-х гг. Обращая особое внимание на традиционный характер конституционного и политического устройства Великобритании, не в последнюю очередь обусловленного особенностями правовой системы страны, Дж. Кларк называет Англию 1688–1832 гг. страной «старого порядка», применяя для обозначения этого периода термин «долгий XVIII в.».⁴ Реформа политического представительства 1832 г. увязывается с событиями 1828–1829 гг., когда были отменены ограничения политических прав для католиков и диссентеров. Дж. Блэк не разделяет тезис Дж. Кларка о конфессиональном характере английского государства первой трети XIX в. и полагает, что противоречия между англиканами и диссентерами наиболее значимы, а антикатолические компании не имели большого значения, возникая периодически в тех случаях, когда к этому давали повод действия властей.⁵ В течение последних десяти лет в английской историографии «конституционной революции» возникла тенденция к сближению и более комплексному изучению конституционной и религиозной истории.

С начала 1980-х по середину 90-х гг. появилось несколько общих работ, затрагивающих проблемы национальной и религиозной идентичности в Велико-

¹ *Hole R.* Pulpits, Politics and Public Order in England, 1760–1832. Cambridge, 1989. P. 238–247.

² *Walsh J., Taylor S.* The Church and Anglicanism in the «Long» Eighteen Century // *The Church of England, 1689–1833. From Toleration to Tractarianism* / ed. by J. Walsh, S. Taylor & C. Haydon. Cambridge, 1993. P. 1–66.

³ *O’Gorman F.* The Long Eighteen Century: British Political and Social History, 1688–1832. L., 1997. P. 22; *Burns A., Innes J.* Rethinking the Age of Reform, 1780–1850. Cambridge, 2003. P. 8–11.

⁴ *Clark J.C.D.* English Society, 1688–1832: Ideology, Social Structure and Political Practice During the Ancien Regime. Cambridge, 1985 (2nd ed. 2000). P. 12–14; *O’Gorman F.* The Long Eighteen Century: British Political and Social History, 1688–1832. L., 1997. P. 41.

⁵ *Black J.* Confessional State or Elect Nation? Religion and Identity in Eighteenth Century England / Protestantism and National Identity, 1650–1850 / ed. by T. Claydon & I. McBride. Cambridge, 1998. P. 55–61.

британии первой трети XIX в.¹ В конце XX в. вышли работы Т. Клейдона, Й. МакБрайда, Г. МакЛеода и К. Хейдона, посвященные роли протестантизма в проведении религиозных преобразований тори в 1828–1829 гг.² В недавних работах Дж. Блэка и П. Ихалайнена затронуты проблемы трансформации корпоративного конфессионального государства в электоральную демократию современного типа и роль риторики официальной церкви в этом процессе.³

Истории официальной англиканской церкви в первой трети XIX в. посвящены обобщающие работы Д. Акенсона, А. Гилберта, У. Консера, А. Расселла, Р. Соловея и Э. Эванса.⁴ Вышедшие в свет с конца 1960-х до середины 80-х гг., эти исследования сохраняют актуальность благодаря огромному количеству исследуемых источников и тщательно анализируемому фактическому и статистическому материалу. С конца 1980-х до середины 90-х гг., когда в английской историографии наблюдался резкий всплеск интереса к церковной проблематике, увидел свет ряд интересных исследований, охватывающих широкий круг вопросов взаимоотношения церкви и государства.⁵ В 2001 г. появилась качественная обобщающая работа С. Брауна, посвященная истории официальных церквей Англии, Ирландии и Шотландии.⁶ В ней церковные проблемы тесно

¹ *Robbins K.* Religion and National Identity in Modern British History (Presidential Address) / Religion and National Identity / ed. by S. Mews. Oxford, 1982; *Bebbington D.W.* Religion and National Feeling in Nineteenth Century Wales and Scotland // Religion and National Identity / ed. by S. Mews. Oxford, 1982; *Wolfe J.* The Protestant Crusade in Great Britain, 1829–1860. Oxford, 1991; *Colley L.* Britons: Forging the Nation, 1707–1837. L., 1994.

² *Claydon T., McBride I.* The Trails of the Chosen People: Recent Interpretations // Protestantism and National Identity, 1650–1850 / ed. by T. Claydon & I. McBride. Cambridge, 1998; *McLeod H.* Protestantism and British National Identity, 1815–1945 // Nation and Religion: Perspectives in Europe and Asia / ed. by P. van der Veer & H. Lehmann. Princeton, 1999; *Haydon C.* “I Love my King and my Country, but a Roman Catholic I Hate”: Anticatholicism, Xenophobia and National Identity in Eighteenth Century England // Protestantism and National Identity, 1650–1850 / ed. by T. Claydon & I. McBride. Cambridge, 1998.

³ *Black J.* Confessional State or Elect Nation? Religion and Identity in Eighteenth Century England // Protestantism and National Identity, 1650–1850 / ed. by T. Claydon & I. McBride. Cambridge, 1998; *Ihalainen P.* Protestant Nation Redefined: Changing Perception of National Identity in the Rhetoric of the English, Dutch and Swedish Public Churches, 1685–1772. Leiden, 2005.

⁴ *Soloway R.A.* Prelates and People. Ecclesiastical Social Thought in England, 1783–1852. L., 1969; *Akenson D.H.* The Church of Ireland: Ecclesiastical Reform and Revolution, 1800–1885. L., 1971; *Evans E.J.* Some Reasons for the Growth of English Rural Anti-Clericalism, 1750–1830 // Past and Present. 1975. № 66; *Gilbert A.D.* Religion and Society in Industrial England. Church, Chapel and Social Change, 1740–1914. L., 1976; *Russell A.* The Clerical Profession. L., 1980; *Conser W.H.* Church and Confession. Mercer, 1984.

⁵ *Gibson W.* Church, State and Society, 1760–1832, Cambridge, 1989; *Walsh J., Taylor S.* The Church and Anglicanism in the «long» Eighteenth Century // The Church of England, 1689–1833. From Toleration to Tractarianism / ed. by J. Walsh, S. Taylor & C. Haydon. Cambridge, 1993; *Carpenter S.C.* Church and People, 1789–1889: A History of the Church of England from William Wilberforce to «Lux Mundi». L., 1993; *Hylson-Smith K.* High Churchmanship in the Church of England, from the Sixteenth Century to the Late Twentieth Century. Edinburgh, 1993; *Brooks C., Saint F.* The Victorian Church: Architecture and Society. Cambridge, 1995; *Corfield P.* Georgian England: One State, Many Faith // History Today. 1995. Vol. 45. № 4. P. 14–21.

⁶ *Brown S.J.* The National Churches of England, Ireland and Scotland, 1801–1846. Oxford, 2001.

увязываются с конституционными изменениями, которые стали реальностью в 1828–1829 и 1833–1834 гг. в ходе реформ, проведенных кабинетами Веллингтона, Грея и Мельбурна. В аналогичном ключе выдержана и недавняя работа Р. МакКарти, посвященная истории официальной ирландской церкви.¹

Отдельный и важный аспект в историографии «конституционной революции» составляет эмансипация католиков 1829 г. и религиозные реформы 1833–1834 гг. Исследованию этой проблемы посвящены работы С. Беннетта, О. Броуза, Дж. Кримминса, К. Льюиса, П. Ноклза, Б. МакНэйми и М. МакЭлроя.² Они являются яркой иллюстрацией того факта, что в британской историографии религиозные преобразования 1828–1834 гг. традиционно оцениваются не только как следствие целенаправленной деятельности ряда торийских и вигских кабинетов, но и как составная часть «конституционной революции». Именно религиозные аспекты последней все чаще заставляют современных исследователей задумываться о хронологии этого концепта.

В современной английской историографии «конституционной революции» реформе политического представительства 1832 г. не уделяется столь пристального внимания, как в российской исторической науке. После классических работ М. Брока, Дж. Кэннона и Дж. Фергюсона, составивших эпоху в британской историографии вопроса конца 1960-х – середины 70-х гг., возрождение исследовательского интереса к проблематике произошло только десятилетие спустя с появлением работы Э. Эванса.³ К середине 1990-х гг. оформилась достаточно устойчивое направление, в рамках которого реформа политического представительства 1832 г. оценивается не столько с позиций расширения избирательного права, сколько с точки зрения обретения парламентом комплекса собственных прерогативных полномочий и политической повестки. Наиболее полно указанная тенденция проявилась в поздних работах Э. Эванса, в исследованиях К. Глиди, Д. Фишера, Т. Эйдта и Р. Франка.⁴ В настоящее время именно

¹ *McCarthy R.B.* A Short History of the Church of Ireland. Dublin, 2015.

² *Bennett S.* Catholic Emancipation, the «Quarterly Review» and Britain's Constitutional revolution // *Victorian Studies*. 1969. Vol. XII. № 3. P. 283–304; *Brose O.J.* The Irish Precedent for English Church Reform: The Church Temporalities Act of 1833 // *The Journal of Ecclesiastical History*. 1956. Vol. 7. Issue 2. P. 204–235; *Crimmins J.E.* Jeremy Bentham and Daniel O'Connell: Their Correspondence and Liberal Alliance // *The Historical Journal*. 1997. Vol. 40. № 2. P. 359–387; *Lewis C.J.* The Disintegration of the Tory-Anglican Alliance in the Struggle for Catholic Emancipation // *Church History*, 1960. Vol. 2. P. 124–136; *Nockles P.* Church or Protestant Sect? The Church of England, High Churchmanship and the Oxford Movement, 1822–1869 // *The Historical Journal*. 1998. Vol. 41. № 2. P. 457–493; *McNamee B.* The «Second Reformation» in Ireland // *Irish Theological Quarterly*. 1966. Vol. 33. № 1. P. 39–44; *McElroy M.* A Study of Munster Politics in the Era of Transition, 1825–1835. Dublin, 2002.

³ *Brock M.* The Great Reform Act. L., 1973; *Cannon J.* Parliamentary Reform, 1640–1832. Cambridge, 1973; *Ferguson J.F.* The Reform Act (Scotland) of 1832: Intention and Effect // *Scottish Historical Review*. 1966. Vol. XIV. P. 105; *Evans E.J.* The Great Reform Bill of 1832. L., 1983.

⁴ *Evans E.J.* The Forging of the Modern State. Early Industrial Britain, 1783–1870. L., 1995; *Gleadie K.* Reforming Discourses and Political Practice in Britain, 1760–1872 // *The Historical Journal*. 2004. Vol. 47. № 2. P. 491–499; *Fisher D.R.* History of Parliament: the House of Commons, 1820–1832. Cambridge, 2009; *Aidt T.S., Franck R.* Democratization Under the Threat of Rev-

такой подход к исследованию реформы политического представительства 1832 г. преобладает, а традиционные исследовательские сюжеты расширения избирательного права и демократизации политической системы постепенно отходят на второй план.

Британская историография партийной системы Великобритании первой трети XIX в. представляет собой особое самостоятельное направление, сформировавшееся главным образом в послевоенный период. До этого времени исследовательские интересы британских специалистов были сосредоточены по преимуществу на парламентской и административной истории, на взаимоотношении различных ветвей власти и государственных органов. Критика традиционных вигских историографических концепций партийно-политической системы началась еще в работах Л. Нэмира и Г. Баттерфилда. В середине 1950-х гг. Р. Уолкотт высказал предположение о том, что в георгианский период политическая элита была разделена не на партии, а на множество группировок, скрепленных корпоративными, родственными, профессиональными, должностными и прочими связями.¹ Сторонниками подобных взглядов на место и роль партий в политической системе Великобритании первой трети XIX в. стали У. Дженнингс, Ф. Нортон, Д. Клоуз и Э. Уоссон.² В концентрированном виде указанная позиция сформулирована в конце 1980-х гг. А. Хокинсом.³ В это же время Ф. Форман высказал убеждение в том, что концепция классической либеральной историографии о центральной роли парламента в политической истории Великобритании применима только к узкому периоду 1832–1867 гг. До этого существенную роль в государственном управлении играли монархия и кабинет министров, а позже ведущую позицию в политической системе заняли партии.⁴ Весьма показательны суждения А. Бриггса, по мнению которого представители современной либеральной историографии стали гораздо критичнее в отношении политической риторики британских государственных деятелей XIX в., оценивая гораздо скромнее преобразования того периода.⁵

Решающее влияние на окончательное формирование такого подхода к изучению истории консервативной партии в современной историографии оказали работы Н. Гэша.⁶ По мнению автора, решающее значение в становлении на ан-

olution: Evidence from the Great Reform Act of 1832 // *Econometrica*. 2015. Vol. 83. № 2. P. 505–547.

¹ *Wallcott R.* English Politics in Early Eighteen Century. Cambridge, 1956. P. 69.

² *Jennings W.I.* Party Politics. Cambridge, 1962. P. 12-17; *Norton P., Aughey A.* Conservatives and Conservatism. L., 1981. P. 86–90; *Close D.B.* The Formation of a Two-Party Alignment in British Parliament. L., 1987. P. 12; *Wasson E.A.* Whig Renaissance: Lord Althorp and the Whig Party, 1782-1845. L., 1987. P. 36.

³ *Hawkins A.* Parliamentary Government and Victorian Political Parties, 1830–1880 // *English Historical Review*. 1989. Vol. CIV. № 412.

⁴ *Forman F.N.* Mastering British Politics. L., 1995. P. 14.

⁵ *Briggs A.* The Age of Improvement, 1783–1867. L., 1995. P. 4.

⁶ *Gash N.* Reaction and Reconstruction in English Politics, 1832–1852. Oxford, 1965; *Idem.* Sir Robert Peel. L., 1972; *Idem.* Age of Peel. L., 1973; *Idem.* The Earl of Liverpool (1812–1827) // *The Prime Ministers* / ed. by H. van Thal. L., 1974. Vol. 1; *Idem.* Politics in the Age of Peel. A Study in the Techniques of Parliamentary Representation, 1830–1850. Hassoks, 1977; *Idem.* Lord Liverpool:

глийской политической сцене партий в современном смысле слова, имел период 1830–1870-х гг. В работах Н. Гэша впервые сформулированы многие вопросы, вокруг которых развернулись оживленные историографические дискуссии в последнее двадцатилетие. Среди них особого внимания заслуживают проблемы определения места и исторической роли «либерального торизма» в кризисном развитии партии тори, расколотой во второй половине 20-х гг. XIX в. на несколько политических группировок, влияния парламентской реформы 1832 г. на становление новых консервативных принципов, разработки парламентской стратегии и тактики консерваторов в период работы первого пореформенного парламента, появления принципиально новых форм и методов обеспечения партийного единства консерваторов, связанных с постепенным становлением в 1830-е гг. организационной структуры консервативной партии.

В середине 1960-х гг. в работах Дж.К. Кларка и Р. Стюарта некоторые из затронутых Н. Гэшем проблем рассматривались несколько в ином ключе. Дж.К. Кларк и Р. Стюарт более сдержанны в оценке «либерального торизма», полагая, что поражение Веллингтона в 1830 г. было поражением традиционного торийского режима, но ни в коем случае не партии тори, окончательный раскол которой стал отправной точкой в формировании новой системы обеспечения партийного единства и нового комплекса политических принципов.¹

Последние два десятилетия XX в. составили весьма характерный период в новейшей истории изучения консервативной партии. В это время появляются три фундаментальных обобщающих исследования политической стратегии и тактики британского консерватизма в XIX столетии: Ф. О'Гормана, Б. Колмана и коллективный труд по истории консерватизма в XIX – XX вв. под общей редакцией Н. Гэша.² Указанные работы в определенном смысле представляли собой историографический итог предшествующего тридцатилетия. Но в 1970-х – начале 90-х гг. в английской историографии начинается переосмысление ключевых аспектов истории консервативной партии. Д. Купер проявил обоснованный скептицизм в отношении тех успехов, которые были достигнуты консерва-

the Life and Political Career of R.B. Jenkinson, Second Earl of Liverpool, 1770–1828. Cambridge, 1984; *Idem*. The Organization of the Conservative Party, 1832–1846. Part II. The Electorate Organization // *Parliamentary History*. Gloucester, 1984. Vol. II. P. 131–152; *Idem*. Mr. Secretary Peel: the Life of Robert Peel to 1830. L., 1985; *Idem*. Sir Robert Peel: the Life of Sir Robert Peel after 1830. L., 1986; *Idem*. Parliament and Democracy in Britain: the Three Nineteenth-Century Reform Acts // *Gash N. Pillars of Government, and Other Essays on State and Society, 1770–1880*. L., 1986; *Idem*. The Founder of Modern Conservatism // *Gash N. Pillars of Government, and Other Essays on State and Society, 1770–1880*. L., 1986; *Idem*. Bonham and Conservative Party // *Gash N. Pillars of Government, and Other Essays on State and Society, 1770–1880*. L., 1986; *Idem*. Aristocracy and People: Britain, 1815–1865. L., 1995.

¹ *Clark G.K.* The Making of Victorian Britain. L., 1962; *Idem*. Peel and the Conservative Party. L., 1964; *Stewart R.* The Foundation of the Conservative Party, 1830–1867. L., 1964.

² *O'Gorman F.* British Conservatism. L., 1982; *Coleman B.* Conservatism and the Conservative Party in Nineteenth Century Britain. L., 1988; *Gash N., Southgate D., Dikes D., Ramsden J.* The Conservatives: A History From Their Origin to 1965. L., 1977.

торами в обретении поддержки широких социальных слоев в 1832–1835 гг.¹ Противоречивые отношения консервативной партии с нонконформистами проанализированы в двух работах Р. Брента.² Д. Иствуд и Я. Ньюболд подвергли переоценке достижения Р. Пилиа по разработке политических принципов, парламентской стратегии и тактики консервативной партии во время ее пребывания в оппозиции после 1830 г.³ В работах Б. Хилтона подвергнуто сомнению интеллектуальное лидерство Р. Пилиа в партии.⁴ Это подтверждает формирование характерной для британской историографии последнего времени тенденции к весьма взвешенной оценке стратегических и тактических достижений консерваторов в 1822–1835 гг.

В последние пятнадцать лет указанная тенденция укрепилась. В обобщающих работах А. Хокинса и Э. Эванса результаты влияния парламентских фракций, трансформирующихся в политические партии, на процесс формирования парламентской политической повестки и текущего управления страной оцениваются как весьма скромные.⁵ Историографический скепсис последнего времени нашел выражение и в появлении новых исследовательских сюжетов и направлений в изучении истории партийной системы страны периода «конституционной революции». Р. Флойд исследовал взаимосвязь церковных реформ 1828–1834 гг. с процессом становления двухпартийной системы в Великобритании.⁶ Ф. Сэлмон и Д. Хэмер проследили влияние реформы политического представительства 1832 г. на партийно-политическую систему страны, используя материалы довыборов в парламент и анализируя локальные аспекты выборов.⁷ Влияние реформы 1832 г. на распределение политических сил и электоральных предпочтений в отдельных графствах стали предметом исследований И. Джэггарда и К. Купера.⁸

¹ *Behagg C., Burne M., Cooper D.* Years of Expansion: Britain, 1815–1914/ ed. by M. Scott-Baumann. L., 1995. P. 129.

² *Brent R.* The Whigs and Protestant Dissent in the Decade of Reform: The Case of Church Rates, 1833–1841 // *English Historical Review*. Vol. CII. 1987. № 406; *Idem.* The Emergence of Liberal Anglican Politics: the Whigs & the Church, 1830–1841. Oxford, Doctor of Philosophy Thesis, 1985.

³ *Eastwood D.* Peel and the Tory Party Reconsidered // *History Today*. 1992. Vol. 42. March. P. 27–32; *Newbould J.* Sir Robert Peel and the Conservative Party, 1832–1841: A Study in Failure? // *English Historical Review*. Vol. XCVIII. 1983. № 394.

⁴ *Hilton B.* Peel: A Reappraisal // *Historical Journal*. 1979. Vol. XXII. № 3.

⁵ *Hawkins A.* A British Party Politics, 1832–1886. Basingstoke, 1998; *Evans E.J.* Political Parties in Britain, 1783–1867. L., 2009.

⁶ *Floyd R.D.* «How Can There Be Any Sound Politics Without Religion?»: Religious Nonconformity, The Church of England and a Formation of a Two-Party System in Mid-Nineteenth Century England. Oxford, 2005.

⁷ *Salmon P.* Electoral Reform at Work. Local Politics and National Parties, 1832–1841. Suffolk, 2002; *Hamer D.A.* The Politics of Electoral Pressure. By-Elections in British Parliament, 1832–1914. Hassocks, 2007.

⁸ *Jaggard E.K.G.* Patrons, Principles and Parties: Cornwall Politics, 1760–1910. L., 1981; *Cooper C.J.* Electoral Politics in Grimsby, 1818–1835. Cambridge, 1989.

Необходимо отметить и несколько важных работ описательного характера, предоставляющих обширный фактический материал и затрагивающих различные аспекты деятельности консервативной партии в ее отношениях с прессой, правовой и церковной политике.¹ Следует отметить ряд современных биографий лидеров консервативной партии.² И хотя в такого рода исследованиях, как правило, не уделяется внимания формированию политических принципов консерватизма, сам подход к проблематике без детального изучения поставленных в них вопросов оказался бы невозможен.

Таким образом, в англоязычной историографии последнего времени проблемы конституционного устройства, эволюции политических институтов и практик, религиозной истории и истории партийно-политической системы страны, не говоря уже о проблемах, связанных с влиянием общего права на эволюцию политической системы, рассматриваются достаточно изолированно. Хотя наличие системы связей между ними никто не отрицает, тем не менее, не было предпринято попытки системного анализа всех исследовательских сюжетов. Диссертационное исследование, в котором все указанные аспекты рассматриваются во взаимосвязи и взаимообусловленности в рамках концепта «конституционной революции», представляется актуальным.

Цель диссертационного исследования – всестороннее изучение и комплексный анализ трансформации конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании в период «конституционной революции» начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. Особое место занимает изучение истории партии тори-консерваторов с 1822 по 1835 г., когда произошла серьезная трансформация организационной структуры партии, сопровождавшаяся радикальной сменой политических принципов партии, а также постепенным формированием новой парламентской стратегии и тактики консерваторов.

¹ *Aspinall A.* Politics and the Press, 1780–1850. L., 1949; *Ascoli D.* The Queen's Peace: The Origins and Development of the Metropolitan Police. L., 1979; *Anson W.R.* Law and Custom of the Constitution, Parliament, and the Crown. L., 1935; *Ernsley C.* Crime and Society in England, 1750–1900. L., 1987; *Hanham H.J.* The Nineteenth Century Constitution. Cambridge, 1969; *Holdsworth W.S.* History of English Law / ed. by A.L. Goodhart and H.G. Hanbury. L., 1952; *James P.S.* Introduction to English Law. L., 1989; *Keir D.L.* Constitutional History of Modern Britain. L., 1960; *Radzi-nowicz L.A.* History of English Criminal Law. L., 1948. Vol. I; *Smith G.* Constitutional & Legal History of England. N.Y., 1955; *Tobias J.J.* Crime and Police in England, 1700–1900. Dublin, 1979; *Cornish F.W.* History of the English Church in the Nineteenth Century. L., 1910. Vol. I–II; *Currie R., Gilbert A., Horsley L.* Churches & Churchgoers. Patterns of Church Growth in the British Isles since 1700. Oxford, 1977; *Gibson W.* Church, State and Society, 1760–1850. N.Y., 1994; *Machin G.I.T.* The Catholic Question in English Politics 1820–1830. L., 1964; *Idem.* Politics and the Churches in Great Britain, 1832–1868. Oxford, 1977; *Norman E.R.* The Catholic Church and Ireland in the Age of Rebellion. L., 1963; *O'Ferrall J.F.* Catholic Emancipation. L., 1985.

² *Hurd D.* Robert Peel. A Biography. L., 2007; *Durham S.R.* The Duke of Wellington and the People, 1819–1932. L., 2001; *Hodin C.S.* The Political Career of Sir Francis Burdett. L., 1992; *Hawkins A.* Forgotten Prime Minister: the 14th Earl of Derby. Vol. I (1799–1851). Oxford, 2007; *Lundy D.* The Peerage of Charles Gordon-Lennox, 5th Duke of Richmond. Dublin, 2014.

Для достижения цели необходимо решение следующих **задач**:

- определить комплекс факторов, способствовавших трансформации традиционного политического режима Англии на протяжении «долгого XVIII в.» в конституционные механизмы современного типа, оправдывающих целесообразность выделения периода «конституционной революции» 1822–1835 гг. в качестве самостоятельного этапа в развитии политической системы страны;

- исследовать исторические и теоретические аспекты влияния общего и статутного права на трансформацию конституционной и партийно-политической системы, политические институты и практики, определившего характер и направленность изменений в политической системе в исследуемый период;

- проанализировать систему конституционных прецедентов, зафиксировавших перераспределение прерогативных полномочий и изменения во взаимоотношениях короны, кабинета министров и палат парламента в ходе «конституционной революции», способствовавших появлению элементов системы сдержек и противовесов, характерных для конституционных монархий современного типа;

- изучить смысл и определить значение изменений в партийно-политической системе в 1822–1835 гг., связанных реформой политического представительства, трансформацией корпоративно оформленных парламентских фракций в политические партии, преобразованием их организационной структуры и формированием системы политических принципов, стратегии и тактики, для оформления политического режима конституционной монархии;

- проанализировать место и роль религиозной политики торийских и вигских кабинетов в 1828–1834 гг., определив характер проводимых политическими оппонентами религиозных преобразований и значение последних для трансформации конституционного устройства, политических институтов и практик в ходе «конституционной революции»;

- рассмотреть и проанализировать положение партии тори в период ее пребывания у власти в 1822–1830 гг. и в оппозиции в 1830–1834 гг., выявив комплекс обстоятельств, способствовавших опережающему формированию политических принципов «разумного консерватизма» Р. Пиля, «партийного менеджмента» Ф.Р. Бонэма, а также разработке новой парламентской стратегии и тактики, включая систему взаимодействия с избирателями;

- определить роль и значение деятельности первого консервативного правительства Р. Пиля для формирования конституционной практики формирования кабинета министров из представителей политической партии парламентского большинства и прекращения прерогативного вмешательства короны в процесс формирования и повседневной деятельности правительства, а также формирования кабинетом министров собственной политической повестки;

- раскрыть характер и направленность изменений конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы в 1822–1835 гг., оправдывающих выделение «конституционной революции» 1822–1835

гг. в качестве самостоятельного этапа в развитии политической системы, и определяющих необходимость корректировки его хронологических границ.

Методологическая и теоретическая основа диссертации. Методология исследования определяется, исходя из принципов теоретического и методологического плюрализма. Данное утверждение не подразумевает произвольного использования обширного методологического арсенала гуманитарных наук, а предполагает пристальное внимание ко всем методологическим новациям второй половины XX – начала XXI вв.

Основополагающее методологическое значение имеют подходы к исследованию, характерные для институционально ориентированной истории. Основное внимание уделяется не только историческим фактам или событиям, но и воплощению в рациональной политической практике результатов репрезентации их умопостигаемых образов, преломленных сознанием современников. Центральным понятием в методологии исследования является принцип критического конвенционализма, в соответствии с которым решения, принимаемые акторами исторического процесса, будь то политические группировки, элиты или отдельные личности, не могут быть напрямую выведены из исторических фактов, хотя имеют к этим фактам некоторое отношение. Следует исходить из допущения, что рациональное действие, предпринятое на основании того или иного решения, предполагает наличие внешней системы, реагирующей на эти решения предсказуемо хотя бы отчасти. Эта внешняя система всегда включает в себя не только набор политических институтов, институтов участия и политических практик, но и политическую традицию, которая осознается участниками исторического процесса.

Эпистемологические следствия такого подхода очевидны. При исследовании истории трансформирующихся политических институтов и политических практик не следует исходить из эссенциалистски воспринимаемых «сущностных характеристик» того или иного политического института. Предметом изучения должен стать реальный для акторов политического процесса комплекс ожиданий от его изменения, в направлении которого предприняты усилия и мобилизованы находящиеся в распоряжении участников процесса ресурсы.¹

В историческом познании метод критического конвенционализма воспринимается также в качестве комбинации способов интерпретации и оценки установленных исторических фактов. Процесс исторического познания особенностей эволюции политических институтов и практик выглядит в этом смысле как реконструкция прошлого для современности, процесс открытия новых граней в уже известных явлениях, смысл которых зачастую не был до конца понят современниками, с целью получения нового эвристического образа исторических событий, неоднократно изучавшихся специалистами.² Чтобы избежать не-

¹ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 109.

² Английский философ истории Р.Дж. Коллингвуд писал по этому поводу, что идея истории как целого «принадлежит каждому отдельному человеку в качестве элемента его сознания, и он открывает ее у себя, как только начинает осознавать, что значит мыслить». См.: *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М., 1980. С. 237.

оправданного «конструирования традиции» и «опрокидывания современности в прошлое», в распоряжении историка есть ряд инструментов. Прежде всего, речь идет о детализировании, основанном на знании источников и их компетентной критике. Историческое познание всегда представляет собой двойственный процесс, связанный с накоплением фактов и их осмыслением на основе эрудиции исследователя. Для историка событие, личность и реконструкция прошлой ментальности не являются конечными целями, а служат средством для раскрытия более общих вопросов, которые выходят за рамки частной истории и её действующих лиц.

Методология критического конвенционализма построена на допущении, в соответствии с которым историческое исследование способно обеспечивать надежное знание о прошлом. Это знание может быть обретено только путем систематического изучения источников, которые являются единственными реликтами и следами прошлого. В этом отношении ключевое значение для изучения истории политических институтов и практик имеет просопографический метод (метод коллективной биографии), эффективно использованный Л.Б. Нэмиром и «Манчестерской школой» политических исследований. Этот метод строится на убеждении, что любой документ не является прямым изложением истины. Напротив, раскрытие подлинных смыслов и связей отдельного документа может стать весьма длительным процессом.

Что касается общих понятий, основанных на обобщении данных, полученных при исследовании источников, то здесь следует иметь в виду несколько обстоятельств. Общие понятия необходимы историку как для изучения источников, так и для изложения результатов своего исследования. Они в первую очередь должны соответствовать тому, что исследователь обнаружил в источниках, а уже затем – выступать конструктами различного рода социальных теорий. Историческое обобщение возможно только на уровне достаточно высокой абстракции, а сама история, особенно если это конституционная и политическая ее разновидности, не должна превращаться в разновидность социологии. В этом отношении история должна сохранять свою автономию как от других дисциплин, так и от текущих политических обстоятельств.

Поскольку история – это не само прошлое, и тем более не метафизическое размышление о природе последнего, она является знанием, полученным историками. Ясность и точность изложения фактического материала и исторических обобщений на уровне общих понятий должны являться фундаментальными качествами профессионального исторического исследования. В этом отношении метод критического конвенционализма базируется на утверждении, что техника деконструкции или дискурсивного анализа не представляет большой ценности для исследования проблем, связанных с политическими институтами и практиками. Понятия и категории создаются историком, а стремление к истине и понимание являются целями, которые значимы для исторического исследования.

Исходя из этого, творческая интерпретация в историческом исследовании, как представляется, имеет несколько уровней, в соответствии с которыми строится методика изучения исторического процесса в данной работе. Она включа-

ет в себя отбор фактов в соответствии с критерием важности, оценку причинно-следственных зависимостей, формирование представлений о структуре институциональных связей и взаимодействий, а также определение индивидуальной, групповой и массовой мотивации, которая находит отражение в социальной и политической философии. Кроме того, диссертационное исследование строится на основе принципов историзма, конкретности и системности, а также общенаучных и частно-научных методов. К первым следует отнести анализ и синтез, индукцию и дедукцию, описательный и количественные методы, ко вторым – сравнительно-исторический и историко-типологический методы.

Комплексное использование указанных методологических подходов, принципов и методов исследования предоставляет возможность глубоко и всесторонне изучить процесс трансформации конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании в период «конституционной революции» начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в., создав ее новый умопостигаемый образ.

Источниковая база исследования. Изучение и комплексный анализ процесса трансформации конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании в период «конституционной революции» начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. предполагает использование широкого круга разнообразных по характеру источников. Состояние британских архивов и библиотек позволяет исследовать заявленную в работе проблематику с достаточно высокой степенью детализации.

В диссертации использованы источники из фондов ряда британских библиотек, таких как Библиотека Британского музея, Национальная библиотека Шотландии, библиотеки Кембриджского, Оксфордского, Эдинбургского и Стратклайдского университетов, библиотеки университетов Глазго, Ковентри, Саутгемптона и Дарема. Кроме того, ряд материалов для исследования был получен из библиотек университета Копенгаген (Дания), библиотек университетов гг. Гаага и Бреда (Нидерланды), а также библиотеки университета Линчепинг (Швеция) и городской библиотеки г. Антверпен (Бельгия).

Источники, использованные в диссертационном исследовании, целесообразно разделить на несколько видов.

Первый вид источников составляют неопубликованные документы. Прежде всего, сюда следует отнести личный архив и переписку Р. Пиля. Эти документы, хранящиеся в отделе рукописей Библиотеки Британского музея, проливают свет на особенности политической борьбы различных группировок внутри партии тори в первой трети 20-х – середине 30-х гг. XIX в.¹ В этом же собрании

¹ Peel Papers. British Museum Additional Manuscripts, 40309, f. 316, 372, 380; 40313, f. 192; 40316, f. 98; 40320 f. 207; 40333 f. 158, 168, 177; 40341, f. 112; 40401, ff. 181–195; 40403, f. 15, 100; 40404, f. 222; 40405, f. 61, 265, 304; 40405, f. 30, 202; 40406, f. 205; 40407, f. 107, 229; 40410, f. 24, 58, 40412, f. 103, 207, 339; 40416, f. 64, 204.

обнаружены и использованы в работе документы, затрагивающие процесс формирования системы политических партий на протяжении первой трети XIX в.¹

Кроме того, часть корреспонденции Р. Пиля содержится в отделе рукописей Кембриджского университета.² Что касается неопубликованных документов соратников Р. Пиля и его политических оппонентов, то их можно найти в разных архивных фондах Великобритании. Так, довольно значительная часть корреспонденции герцога Веллингтона 1833–1835 гг. хранится в отделе рукописей библиотеки университета Саутгемптон.³ В Национальной библиотеке Шотландии сохранился довольно значительный фонд Ч. Грея.⁴ Бумаги Дж. Грэхема хранятся в отделе рукописей Британской библиотеки и Боделианской библиотеки в Оксфорде.⁵ Бумаги архиепископа Дарема У. ван Милдерта, проясняющие одну из наиболее характерных позиций англиканского духовенства по отношению к эмансипации католиков, хранятся в отделе рукописей библиотеки университета Дарем.⁶ Наконец, в муниципальной библиотеке Лондона хранятся заметки по подготовке петиций в парламент по поводу предполагаемой отмены политических ограничений для диссентеров.⁷

В собрании Public Record Office хранятся документы Ч. Грея и виконта Мельбурна.⁸ Там же можно найти неопубликованный адрес мэра г. Лидс, адресованный королю и проливающий свет на позицию муниципалитета по отношению к эмансипации католиков, а также два характерных письма прелатов англиканской церкви Р. Пилю по этому же поводу.⁹ Наконец, среди неопубликованных документов Р. Пиля, хранящиеся в библиотеке Британского Музея, принципиальное значение для данного исследования имеет меморандум лидера

¹ British Museum Additional Manuscripts, 12402 f. 98, 40309, f. 316 & 380, 40313, f. 192, 40316, f. 98, 40320 f. 207, 40333 f. 158, 168, 40341, f. 112, 40401 ff.181-195, 40403, f. 15, 100, 40404, f. 222, 265, 304, 40405, f. 30, 61, 202, 40406, f.114, 205, 208, 40407, f.107, 40410, f. 24,58, 229, 40416, f. 64, 204, 40333, f. 177.

² Cambridge University. MS 2-1949, MS 11-6/1972 (корреспонденция Р. Пиля 1830–1835 гг.).

³ University of Southampton. MS 61. WP 61 2/1-172, MS 69 (корреспонденция герцога Веллингтона 1833–1835 гг.).

⁴ National Library of Scotland. Manuscript Collection. MSS. 9815-9933, 10279-10695.

⁵ British Library Manuscript Collection. Dep. 9374.MSS. Bodleian Library. Oxford. Microfilms 29, 34.

⁶ Van Mildert Papers. Durham University Library. MS 83560-573.

⁷ The Minutes of Meetings of the Committee Appointed to Conduct the Application to Parliament for the Repeal of the Corporation and Test Acts, 1827–1829. MS. 3084/2.

⁸ Public Record Office. 30/22 A-D (Ч. Грей). Public Record Office.30/22 1E 8, 12, 14, 22-26 (визит Мельбурна).

⁹ Public Record Office. HO44/18 ff. 256-257 (Markland R., the Mayor of Leeds. An Address to the King on the Questions of Catholic Emancipation. 1828. 20 December). HO44/18 ff 272-273 (Rev. Jennings W.A Letter to R. Peel Concerning the Petition on Catholic Emancipation from the Protestant Congregation of Bayon. 1829. 16 January). HO44/18 ff 309-310 (Trewweeks S.A. Letter to R. Peel Reporting Majority Approval of the Catholic Emancipation in Cornwall. 1829. 16 February).

консерваторов 23 июля 1834 г., чрезвычайно важный для понимания процесса становления принципов нового «разумного консерватизма».¹

Второй вид источников составляют официальные парламентские документы и законодательные памятники. Среди опубликованных официальных документов особое место занимают парламентские дебаты, анализ которых позволяет определить наиболее важные этапы подготовки законопроектов, ход обсуждения биллей, а также реакцию членов палаты на петиции и обращения. Кроме того, большое значение для решения поставленных в диссертационном исследовании задач имеют результаты голосований (*Division Lists*), изучение которых проливает свет на позиции внутрипартийных группировок. Всего просмотрено 39 томов парламентских дебатов двух серий за период с 1822 по 1835 г.² Среди прочих парламентских документов существенное значение при анализе персонального состава первого пореформенного парламента имеет так называемая «*Черная книга*», в которой зафиксированы фамилии парламентариев, род их занятий, партийная принадлежность, а также содержатся сведения о патронаже.³ В отношении политического патронажа и состояния предвыборных технологий наиболее показателен документ под названием «*The Berkshire List*». В документе, который Р. Пиль направил герцогу Веллингтону 1 января 1835 г. (накануне выборов 1835 г.), указаны лица, пользующиеся влиянием в графстве Беркшир. Р. Пиль просил указать, на кого из указанных в документе лиц он может оказать выгодное консерваторам влияние либо непосредственно, либо через своих знакомых и доверенных лиц.⁴ Кроме того, весьма важными для исследования оказались отчеты парламентских комитетов, касающиеся положения дел с уплатой десятины в Ирландии и принятия «*The Irish Church Temporalities Act*» 1833 г.⁵

Что касается законодательных памятников, то в распоряжении исследователей имеется несколько первоклассных изданий статутов, осуществленных в XIX в. и снабженных подробными комментариями.⁶ Кроме того, проанализирован ряд документов по конституционной истории Англии первой трети XIX в., содержащих ценную информацию для анализа уровня преступности и системы охраны общественного порядка. Эти данные содержатся в хорошо из-

¹ Peel's Memorandum, 1834, 23 July. Peel Papers. British Museum Additional Manuscripts, 40404, f. 222.

² Hansard Parliamentary Debates. New Series. Commencing with the Accession of George IV. Vol. VIII–XXI. L., 1820–1829. Hansard Parliamentary Debates. Third Series, Commencing with the Accession of William IV. Vol. I–XXVI. L., 1830–1835.

³ Black Book of 1833 Parliament. L., 1834.

⁴ British Museum Additional Manuscripts. 40320 f. 207.

⁵ Second Report of the Select Committee on Tithes in Ireland. House of Commons Parliamentary Papers. 1832. Vol. XXI. Papers Relating to the First Fruit in Ireland. House of Commons Parliamentary Papers. 1831–1832. Vol. XXII. P. 326–334. Minutes of Evidence, Lords' Committee on Tithe in Ireland. House of Commons Parliamentary Papers. 1823. Vol. XVI. P. 99–101.

⁶ Great Britain Laws and Statutes. A Collection of the Public General Statutes. Vol. IV. L., 1825–1829. The Statutes. Vol. I–IV. L., 1875. Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. George IV & William IV. L., 1870; Statutes of the Realm. Printed by Command of HM king George III from Original Records & Authentic Manuscripts. Vol. I–VII. L., 1810–1826.

вестном исследователям фундаментальном сборнике английских исторических документов, изданных в издательстве «Эйр & Споттисвуд» в середине 1950-х гг. и представляющих собой весьма информативное собрание документов по различным аспектам внутривнутриполитической жизни страны.¹ Использовались также и другие сборники документов и собрания официальных парламентских документов и статутов, послужившие источниками для исследования некоторых конституционных актов, в частности, «Акта об унии» 1800 г.²

Третий вид источников составляют петиции, направленные в парламент накануне и в ходе религиозных реформ кабинета герцога Веллингтона 1828–1829 гг. Часть из этих петиций была опубликована отдельными изданиями.³ Две петиции, иллюстрирующие позицию официальной церкви Шотландии по отношению к религиозным преобразованиям последнего торийского кабинета, хранятся в библиотеке университета Глазго.⁴ Наконец, две петиции, отражающие позицию ирландских католиков по отношению к отмене ограничений для диссентеров и позицию философских радикалов, были опубликованы в журналах «The Christian Reformer» и «The Christian Remembrancer» за 1827–1828 гг.⁵

В качестве одного из важнейших документальных свидетельств рассматривалась периодическая печать, составившая *четвертый вид* источников. Периодические издания в изучаемый период постепенно приобретали значение серьезного фактора в политической жизни страны. Позиция изданий могла достаточно серьезно повлиять на формирование положительного имиджа пережива-

¹ English Historical Documents / ed. by A. Aspinall & E. Smith. Vol. XI (1783–1832). L., 1956; English Historical Documents / ed. by A. Aspinall & E. Smith. Vol. XII (1833–1874). L., 1959.

² Select Statutes, Cases and Documents to Illustrate English Constitutional History, 1660–1832. L., 1919; Sources of English Constitutional History. A Selection of Documents from AD 600 to the Present / ed. by C. Stephenson & F.G. Marcham. L., 1937; Documents of English History, 1688–1832 / ed. by W.A. Baker. L., 1954; Evans E.J., Pledger P.J. Contemporary Sources and Opinions in Modern British History. Vol. 1–2. Warne, 1967; Hanham H.J. The Nineteenth Century Constitution, 1815–1914: Documents and Commentary. L., 1969; Documents on British Political History / ed. by J. Wroughton. Vol. 1–2. L., 1971–1973.

³ An Address from the British Roman Catholics to their Protestant fellow Countrymen. L., 1826; An Address of the Catholic Association to the Protestant Dissenters of England. L., 1828; Declaration of the Catholic Bishops, the Vicars Apostolic and their Coadjutors in Great Britain. L., 1826; Petition of the Undersigned Protestant Dissenters to the Honorable the Commons of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, In Parliament Assembled. L., 1828; Petition of the Undersigned Protestant Dissenters to the Right Honorable the Lord spiritual and Temporal of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, In Parliament Assembled. L., 1828.

⁴ Petition of the Minister, Elders, Deacons, and People, Assembling themselves for the Worship of God, in the National Scotch Church to the Right Honorable the lords Spiritual and Temporal of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, In Parliament Assembled. L., 1829; Petition of the Minister, Elders, Deacons, and People, Assembling themselves for the Worship of God, in the National Scotch Church to the King's Most Excellent Majesty. L., 1829.

⁵ The Humble Petition of the Catholics of Ireland for Repeal of the Test and Corporation // The Christian Reformer. 1828. Vol. XIV. P. 33, 274; Petition of the Elders, Deacons and Members of the Church of God Meeting in London and Known as Freethinking Christians, presented in May, 12, 1827 by Joseph Hume, Esq., to the Honorable the Commons of Great Britain and Ireland, In Parliament Assembled // The Christian Remembrancer. 1827. Vol. II. P. 750–751.

ющих процесс своего становления политических партий. К сожалению, в силу ряда объективных причин пресса не могла быть использована в желаемом объеме, но и те материалы, которые удалось использовать, особенно публикации «Таймс» и «Морнинг пост», дают достаточное представление о позиции и политической роли газет.¹ Кроме того, использованы отдельные публикации в «Бирмингем Аргус», «Спектейтор», «Стандарт» и «Альбион».²

Чрезвычайно ценные данные для выявления отношений в обществе предоставляет ведущий консервативный журнал «Квотерли ревю», основанный в 1809 г. известным шотландским издателем Дж. Мюрреем, среди авторов которого были Роберт Саути и лорд Байрон, Вальтер Скотт, Джейн Остин и Джон Уилсон Крокер.³ Именно на страницах «Квотерли ревю» опубликованы важнейшие статьи о положении дел в партии тори после отставки кабинета герцога Веллингтона и знаменитый «Манифест из Тамурорта» Р.Пиля.⁴

Вигское направление в журналистике представляли «Эдинборо ревю» и орган философских радикалов «Вестминстер ревю».⁵ Именно на страницах последнего помещен ряд обзоров, памфлетов и статей, представляющих особый интерес для исследователей политической ситуации в стране в период между отставкой кабинета герцога Веллингтона и первой парламентской реформой.⁶

Среди ежегодных изданий особого внимания заслуживает «Annual Register», содержащий чрезвычайно важные сведения о политических событи-

¹ The Times. 1828, 9 August, 1830, 14 August, 1831, 1 August, 1832, 17 August, 1834, 8 December, 24 December, 1835, 13 March, 23 April, 3 September. The Morning Post. 1835. 7 September.

² Birmingham Argus. 1829. 12 May. Spectator. 1833, 12 January. Standard. 1834, 29 May. Albion. 1834, 22 November.

³ Quarterly Review. 1835. Vol. LV. Quarterly Review. 1835. Vol. LIII. Quarterly Review. 1836. Vol. LX; Conservatism and The Quarterly Review: A Critical Analysis/ ed. by J. Cutmore. L., 2007; Cutmore J. Contributors to the Quarterly Review, 1809–1825. A History. L., 2008.

⁴ Thoughts on the Present Distress // The Quarterly Review. 1830. Vol. XLIII (May-October). L., 1830. P. 278–305; Sir Robert Peel's Address to the Electors of the Borough of Tamworth // Quarterly Review. 1835. Vol. XLIII (February-April). P. 261–287.

⁵ The Country Without a Government; or Plain Questions Upon the Unhappy State of the Present Administration // The Edinburgh Review. 1830. Vol. I (April-July). Edinburgh, 1830. P. 159–176; Clive J. The Edinburgh Review // History Today. 1952. Vol. 12. № 2. P. 844–850; Clive J. Scotch Reviewers: The Edinburgh Review, 1802–1815. Cambridge, 1957. P. 186–197.

⁶ The Policy of Princes; an Essay, Containing, Together With Much Useful Advice to the Legitimate Monarchs, a Faithful Picture of the Present State of Europe by a Member of Austrian Legation // The Westminster Review. 1830. Vol. XIII (April-July). L., 1830. P. 240–265; Reply to a Pamphlet Entitled «What has the Duke of Wellington gained by the Dissolution» // The Westminster Review. 1831. Vol. XIV (January-April). L., 1831. P. 232–245; The Country Without a Government; or Plain Questions Upon the Unhappy State of the Present Administration // The Edinburgh Review. 1830. Vol. I (April-July). Edinburgh, 1830. P. 159–176; Character of George the Fourth // The Westminster Review. 1831. Vol. XIV (January-April). L., 1831. P. 103–137; Thoughts on Moderate Reform in the House of Commons // The Westminster Review. 1830. Vol. XIII (April-July). L., 1830. P. 1–39; Parliamentary Reform // The Westminster Review. 1831. Vol. XIV (January-April). L., 1831. P. 440–456; Nesbitt G.L. Benthamite Reviewing. The First Twelve Years of the Westminster Review, 1824–1836. N.Y., 1934.

ях, происшедших в стране в прошедшем году.¹ Кроме того, внимания заслуживают сборники «The Christian Reformer» и «The Christian Remembrancer», а также «British Critic» и отечественные журналы «Европеец» и «Телескоп», в которых содержатся отклики на реформу политического представительства 1832 г. и работу первого пореформенного парламента годом позже.²

Достаточно широко использована мемуарная литература, дневники и переписка современников. Составив *пятый вид* источников, эти документы первоочередной важности способствуют уяснению отношения в обществе к парламенту и его деятельности, политике, стратегии и тактике консервативной партии и ее оппонентов, а также позиций различных политических группировок. Среди мемуарной литературы необходимо особо отметить мемуары Ч. Гревилла, чиновника Тайного совета, широко использованные в литературе и представляющие блестящее собрание информации по истории консервативной партии.³ Очень ценным источником в данной группе являются дневниковые записи торийского историка и публициста, мелкого чиновника морского ведомства Дж.У. Крокера.⁴ Пристального внимания заслуживают также такие чрезвычайно информативные источники, как дневники миссис Х. Арбетнот, супруги одного из лидеров «ультра тори», и дневники ведущего представителя этой политической группировки – лорда Элленборо.⁵ Также первоклассным источником является переписка и дневники супруги русского посланника в Лондоне Д. Ливен.⁶ Огромное значение для исследования процесса становления политических принципов консерватизма, парламентской стратегии и тактики консервативной партии имеют мемуары лидера консерваторов Р. Пиля, его переписка и сборники речей.⁷ Среди изданной официальной и частной переписки

¹ The Annual Register. 1828–1835; The British Critic. 1833. Vol. XIV. № 28.

² Европеец. 1832. № 1; Телескоп. 1833. № 1.

³ Greville C.C.F. A Journal of the Reigns of King George IV and King William IV. Vol. I–III. L., 1874; Greville C.C.F. The Greville Memoirs, 1814–1860 / ed. by L. Strachey & R. Fulford. Vol. I–VIII. L., 1938; The Greville Diary / ed. By Ph. W. Wilson. L., 1927.

⁴ The Croker Papers. The Correspondence and Diaries of John Wilson Croker / ed. by L.J. Jennings. Vol. I–III. L., 188; The Croker Papers, 1808–1857 / ed. by B. Pool. L., 1967; Portsmouth R. John Wilson Croker: Irish Ideas and the Invention of Modern Conservatism. Dublin, 2010.

⁵ Journal of Mrs. Arbuthnot / ed. by F. Bamford & the Duke of Wellington. Vol. I–II. L., 1950; Aspinnall A. Review of The Journal of Mrs. Arbuthnot, 1820–1832 // The English Historical Review. 1952. January. Vol. 67. №. 262. P. 92–94; Mullen R. Review of «Wellington and the Arbuthnots: A Triangular Friendship» // Contemporary Review. 1995. July; Smith E.A. Wellington and the Arbuthnots: a Triangular Friendship. L., 1994; Lord Ellenborough. Political Diary, 1828–1830 / ed. by Lord Colchester. Vol. II. L., 1881; Dictionary of British History / ed. by J.P. Kenyon. L., 1994. P. 218.

⁶ Lieven D. Letters of Dorothea, Princess Lieven During Her Residence in London, 1812–1834. L., 1902; Hyde H.M. Princess Lieven. L., 1938.

⁷ Memoirs by the Rt. Hon. Sir Robert Peel / ed. by Lord Mahon and E.I. Cardwell. Vol. I–II. L., 1856–1857; Sir Robert Peel from his Private Papers / ed. by C.S. Parker. Vol. I–III. L., 1899; Speeches of the Late Right Honorable Sir Robert Peel, Baronet, Delivered in the House of Commons. With a General Explanation Index. Vol. I–IV. L., 1855. Vol. II (1822–1834); Vol. III (1835–1844); Speeches by the Right Honorable Sir Robert Peel, Bart, During His Administration, 1834–1835. L., 1835.

большое значение имеют документы Дж. Грэхема которые содержатся в блестящем собрании Ч. Паркера, а также широко рассматриваемые исследователями документы Веллингтона.¹ Кроме того, источниковую базу дополняют переписка Георга IV, а также коллекции документов У. Хаскиссона, Дж. Расселла, и лорда Элдона.² Наконец, довольно большой объем самой разнообразной информации можно получить из дневников Т. Криви, дополняющих свидетельства Дж.У. Крокера, виконта Элторпа и «финансового секретаря» Георга IV – сэра У. Найтона. Благодаря записям последнего мы имеем достаточно полную информацию о кризисе 1830 г., связанного с выплатами по цивильному листу и последующей отставке кабинета герцога Веллингтона.³

Особую группу среди мемуарной литературы, дневников и переписки современников составляют документы, принадлежащие прелатам англиканской церкви. Они позволяют составить достаточно полное представление о позиции последней в ходе религиозных преобразований 1828–1829 гг., реформы политического представительства 1832 г., отношении англиканской церкви к религиозной политике вигских кабинетов лорда Грея и виконта Мельбурна в 1833–1834 гг. Наиболее характерными в этом отношении являются мемуары епископа Лондона Ч. Бломфилда и его публичная полемика с Р. Пилем по вопросу об эмансипации католиков.⁴ Весьма информативны письма епископа Эксетера Г. Филлпотса Дж. Каннингу по поводу эмансипации католиков и адрес главы прихода Большой Челфилд Р. Уорнера, адресованный всем протестантам страны в связи с эмансипацией католиков в 1829 г.⁵ Позицию священников – при-

¹ *Parker C.S.* The Life and Times of Sir James Graham. Vol. I–II.L., 1907; *Wellington Dispatches, Correspondence & Memoranda/* ed. by the Duke of Wellington. New Series. Vol. I–VIII. L., 1867–1880; *Stanhope P.H.* Notes and Conversations of with the Duke of Wellington, 1831–1851. L., 1888.

² *The Letters of the King George IV.* Vol I–III. L., 1812–1830. Cambridge, 1938; *Melville L.* The Huskisson Papers, 1792–1830. L., 1931; *Russell J.* Recollection and Suggestions, 1813–1873. L., 1875; *Russell R.* Early Correspondence of Lord John Russell, 1805–1840. Vol. I–III. L., 1913; *Twiss H.* The Public and Private Life of Lord Chancellor Eldon with Selections from His Correspondence. Vol. I–III.L., 1844.

³ *The Creevey Papers.* A Selection from the Correspondence and Diaries of the late Thomas Creevey. L., 1904.Vol. II; *Porrit E.* Review of the Creevey Papers // *American Historical Review.* 1904. Vol IX. № 3. P. 578–583; *Memoirs of John Charles, Viscount Althorp, Third Lord Spencer /* ed by D. Le Marchand. L., 1876; *Wasson E.A.* Whig Renaissance: Lord Althorp and the Whig Party, 1782–1845. L., 1987; *Memoirs of Sir William Knighton, Baronet, Keeper of the Privy Purse During the Reign of His Majesty King George the Forth. Including His Correspondence with many Distinguished People.* L., 1838; *Aspinall A.* George IV and Sir William Knighton // *English Historical Review.* 1940. January. Vol. XLV. № 267. P. 57–82; *Frost Ch.* Sir William Knighton. The Strange Career of the Regency Physician. L., 2010.

⁴ *Memoirs of Charles James Blomfield, Bishop of London, with Selections from His Correspondence /* ed. by A. Blomfield. L., 1863; *An Answer to the Arguments of the Right Hon. Robert Peel in Favour Further Concessions to the Catholic.* L., 1829; *Biber G.E.* Bishop Blomfield and His Times. L., 1857.

⁵ *Phillpotts H.* A Letter to the Right Honorable George Canning on the Bill of 1825 for Removing the Disqualifications of His Majesty Roman Catholic Subjects: And on His Speech in Support of the Same. L., 1827; *Chadwick O.* The Victorian Church. Parts One and Two: 1829–1856; 1860–

верженцев низкой церкви, и филантропически настроенных реформаторов, сторонников широкой церкви, точнее всего отражают корреспонденция У. Стоуни и собрание работ Т. Арнольда.¹

Большое значение имели многочисленные сочинения биографического характера. В них нашли отражение не только сведения о конституционном устройстве, партийной системе и политических практиках, но и проявились политические взгляды политических деятелей. В силу того, что нами достаточно широко применяется метод коллективной биографии, использование литературы биографического характера оправдано, оно позволяет индивидуализировать изучение конституционной и политической истории Великобритании первой трети XIX в., выявляя и учитывая рациональные стремления политических деятелей и их ожидания от предполагаемых изменений.²

1901.L., 1997; *Davies G.C.B.* Henry Phillpotts, Bishop of Exeter. L., 1954; *Warner R.* Catholic Emancipation, an Address, to the Protestant of the United Kingdom: with an Appendix Contain on Coronation Oath; and the Speech late Royal Highness the Duke of York, on Catholic Emancipation. L., 1829.

¹ Correspondence Between the Rev. Mr. Stoney, and the Rev. Mr. Quin, &c. &c. Castlrea: J. Bromell, 1828; *The Miscellaneous Works of Thomas Arnold*, Late Head Master of Rugby School and Professor of Modern History in the University of Oxford / ed. by A. Penrhun Stanley. L., 1845; *McCrum M.* Thomas Arnold, Headmaster. Oxford, 1989.

² *Adelman P.* Peel and the Conservative Party: 1830–1850. L., 1989; *Aldington R.* The Duke. Being an Account of the Life Achievements of Arthur Wellesley, Thirst Duke of Wellington. N.Y., 1943; *Bartlett C.J.* Castlereagh. L., 1966; *Beales D.* Peel, Russell and Reform // *Historical Journal*. 1974. Vol. 17. № 4. P. 221–236; *Brown D.* Palmerston. Yale, 2010; *Bulwer H.L.E.* Sir Robert Peel: a Historical Sketch. L., 1874; *Derry J.V.* Castlereagh. L., 1976; *Dixon P.* George Canning: Politician and Statesmen. L., 1976; *Doubleday T.* The Political Life of Sir Robert Peel. Vol. I–II. L., 1856; *Erickson A.B.* The Public Career of Sir James Graham. L., 1974; *Evans E.J.* Sir Robert Peel: Statesmanship, Power and Party. Lancaster, 2006; *Fay C.R.* Huskisson and His Age. L., 1951; *Fitzgerald P.* The Life of George the Fourth, including His Letters and Opinions. Vol. I–II. L., 1881; *Gaunt R.* Sir Robert Peel: The Life and Legacy. L., 2010; *Golby J.* A Great Electioneer and His Motives: The Forth Duke of Newcastle // *Historical Journal*. 1965. Vol. VIII. P. 201–218; *Gray. D.* Spencer Perceval: The Evangelical Prime Minister, 1762–1812. L., 1963; *Guedalla P.* The Duke. L. Wordsworth, 1997; *Hawkins A.* Forgotten Prime Minister: the 14th Earl of Derby. Vol. I (1799–1851). Oxford, 2007; *Hibbert C.* Wellington: A Personal History. L., 1997; *Hinde W.* George Canning. L., 1973; *Holmes R.* Wellington. The Iron Duke. L., 2002; *Huch R.K., Ziegler P.R.* Joseph Hume, the People's MP. L., 1985; *Jones W.D.* «Prosperity» Robinson: The Life of Viscount Gode-rich, 1782–1859. L., 1967; *Longford E.* Wellington. L., 2012; *Lord Brougham.* Life and Times Written by Himself. Edinburgh, 1871. Vol. III; *Lundy D.* The Peerage of Charles Gordon-Lennox, 5th Duke of Richmond. Dublin, 2014; *Machin J.* Disraeli. L., 1995; *Maxwell W.H.* The Life of Wellington. Vol. I–II. L., 1899; *New C.* Life of Henry Brougham. Oxford, 1961; *Prest J.M.* Lord John Russell. L., 1972; *Ramsay A.W.* Sir Robert Peel. L., 1971; *Read D.* Peel and the Victorians. Oxford, 2016; *Smith E.A.* Lord Grey (1764–1845). Oxford, 1990; *Scherer P.* Lord John Russell. L., 1999; *Stapleton A.G.* George Canning and His Times. L., 1958; *Symons S.J.* Sir Robert Peel as a Type of Statesmanship. L., 1866; *Thursfield J.R.* Peel. L., 1891; *Taylor W.C.* Life and Times of Sir Robert Peel. Vol. I–III. L., 1904; *Wasson E.A.* Whig Renaissance: Lord Althorp and the Whig Party, 1782–1845. L., 1987; *Wyatt T.* Lord John Russell: A Study in Civil and Religious Liberty. L., 1931; *Ziegler P.* Addington. L., 1965; *Ziegler P.* Melbourne: A Life of William Lamb, 2nd Viscount Melbourne. L., 1976.

В целом указанный комплекс источников позволяет решить поставленные задачи и детально отражает проблематику исследования, связанную с анализом трансформации конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, партийной системы Великобритании в период «конституционной революции» начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в.

Научная новизна диссертационного исследования в следующем:

- впервые в отечественной историографии «конституционная революция» начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. рассмотрена как системный процесс, включающий трансформацию конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании в указанный период;

- определен комплекс факторов, способствовавших трансформации политического режима ограниченной монархии в Англии на протяжении «долгого XVIII в.» в конституционные механизмы современного типа, и позволяющих выделить период «конституционной революции» в качестве самостоятельного этапа в развитии политической системы страны с присущим ему комплексом характерных черт и особенностей, исследовать его с применением современных объяснительных моделей;

- детально проанализирована в широком историческом контексте роль общего права в процессе трансформации конституционного устройства, партийно-политической системы, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также показана степень его влияния на традиционный характер и специфику политической системы страны в первой трети XIX в.;

- обоснована необходимость корректировки хронологических границ периода «конституционной революции» и предпринята попытка выделения критериев новой периодизации указанного исторического отрезка с расширением границ последнего до 1822-1835 гг.;

- исследованы роль и значение религиозных преобразований 1828–1829 и 1833–1834 гг., с точки зрения их влияния на формирование конституционных принципов и механизмов, характерных для современных конституционных монархий, трансформацию политического режима английской ограниченной монархии и партийно-политической системы страны в ходе «конституционной революции»;

- переосмыслено влияние реформы политического представительства 1832 г. на эволюцию партийно-политической системы Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. и обоснован тезис о том, что указанная реформа оказалась не ключевым преобразованием исследуемого периода, а одним из преобразований, роль и значение которого в комплексе изменений, привнесенных в политическую систему страны в ходе «конституционной революции» не следует преувеличивать;

- на примере партии тори комплексно проанализирован в широком историографическом контексте процесс трансформации разрозненных внутрипарламентских фракций партии тори в консервативную партию, включая формиро-

вание новой политической стратегии «разумного консерватизма» Р. Пиля, а также появление новых способов и механизмов обеспечения партийного единства, разработанных в ходе пребывания партии в оппозиции в 1830–1834 гг.;

- обоснован тезис о том, что отставка первого консервативного кабинета Р. Пиля ознаменовала собой завершение «конституционной революции» и охарактеризован комплекс изменений в конституционном устройстве, состоянии политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системе страны к середине 30-х гг. XIX в.

Положения, выносимые на защиту, таковы:

1. «Конституционная революция» в Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. стала результатом длительного эволюционного развития традиционного политического режима английской ограниченной монархии на протяжении «долгого XVIII в.», составив его хронологически определяемый этап. «Конституционная революция» рассматривается в широком историографическом контексте в качестве системного процесса, включающего трансформацию конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, политических практик и партийно-политической системы, а также в качестве самостоятельного завершающего этапа становления политического режима конституционной монархии в период между 1688 и 1835 гг. С точки зрения хронологии исследования, «конституционная революция» выделяется в качестве особого периода в развитии конституционного устройства и партийно-политической системы страны, включающего временной отрезок с 1822 по 1835 гг. Базовым принципом для такого рода хронологии послужили изменения в конституционном устройстве, связанные с перераспределением ряда прерогативных полномочий короны между парламентом и кабинетом министров. Эти изменения имели своим следствием прекращение вмешательства короны сначала в повседневную деятельность кабинета министров (с 1822 г.), а затем и в процесс его формирования (после 1835 г.). Эти обстоятельства оправдывают расширение хронологических рамок «конституционной революции», поскольку в традиционной английской политической системе ни одно серьезное конституционное изменение не может рассматриваться как одномоментный акт, но всегда представляет собой растянутый во времени процесс;

2. Особая роль традиции и её значимость в процессе трансформации конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы страны начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. определяется рядом факторов, среди которых ключевое значение принадлежит английскому общему праву, трансформирующейся королевской прерогативе и парламентским процедурам. Уникальность общего права определяется тем обстоятельством, что оно само по сути является частью политической системы и одной из разновидностей политических практик, предоставляя набор уникальных инструментов для эволюционного изменения конституционного устройства, неведомый континентальному праву. Что же касается королевской прерогативы, то ее меняющееся во времени содержание позволяет парламенту и кабинету министров,

перераспределяя прерогативные полномочия, избегать критических для конституционной системы потрясений даже в период острых политических кризисов. То же относится и к парламентской процедуре, гарантирующей права парламентского меньшинства в условиях корпоративного политического представительства, не связанного с современными механизмами парламентской репрезентации;

3. Комплекс религиозных реформ последнего торийского кабинета герцога Веллингтона, связанный с отменой религиозных ограничений для диссентеров в 1828 г. и предоставлением политических прав католикам в 1829 г., рассматривается не только как часть религиозной политики «либеральных тори», но в тесной взаимосвязи с изучением последствий указанных преобразований для конституционного устройства страны. Эмансипация католиков была последним значимым деянием парламента накануне парламентской реформы, осуществленным вопреки воле большинства с опорой на прерогативные полномочия короны. Тем более значимым следует признать то обстоятельство, что религиозные начинания вигских кабинетов лорда Грея и виконта Мельбурна в 1833-1834 гг., связанные с попыткой использования церковных налогов на светские нужды государства, не только относительно слабо изучены в историографии, но и явно недооценены с точки зрения значения конфессионального фактора в «конституционной революции»;

4. Реформа политического представительства 1832 г. рассматривается в качестве одного из важных, но отнюдь не ключевых обстоятельств в процессе трансформации конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. Рассмотренные религиозные преобразования имеют не меньшее значение для превращения «полуконфессионального государства» в «либеральное», что отмечено еще полвека назад во времена создания концепта «конституционной революции». В ходе реформы английский парламент не стал полноценным органом законодательной власти ввиду ограниченной роли статутного права в английской конституционной системе, но лишь приобрел комплекс собственных прерогативных полномочий. Что касается изменений политических практик, связанных с расширением избирательного права, то в исследовании они расцениваются как незначительные. В английской политической системе важно не то, насколько «демократично» формируется парламент, а то, насколько удачно находящиеся в нем политические группировки, представляющие элиту, формируют адекватную политическую повестку;

5. Партийно-политическая система Великобритании второй трети 20-х – середины 30-х гг. XIX в. переживала процесс перехода от корпоративно оформленных внутрипарламентских фракций к политическим партиям современного типа. Изучение места и роли политических партий в процессе трансформации политической системы страны в период «конституционной революции» невозможно без помещения исследовательских сюжетов, связанных с партийно-политической системой, в более широкий историографический контекст,

учитывающий изменения в конституционном устройстве. В этом отношении кризисное состояние партии тори в конце 20-х гг. XIX в. и её пребывание в оппозиции, вынудившее партийных лидеров в эпоху «великих реформ» вигских кабинетов лорда Грея и виконта Мельбурна сосредоточиться на формировании новых политических принципов «разумного консерватизма», парламентской стратегии и тактики, а также форм и способов обеспечения партийного единства, позволило тори-консерваторам опередить своих оппонентов в указанном отношении и сформировать правительство парламентского меньшинства;

6. Процесс становления политических принципов консервативной партии, парламентской стратегии и тактики консерваторов в период их пребывания в оппозиции в 1830–1834 гг., а также форм и способов обеспечения партийного единства в указанный период исследуется в работе в тесной взаимосвязи с изменением места и роли партий в политической системе страны. Следует отметить, что анализ проведен по отношению к периоду в истории консервативной партии, относительно слабо изученному в отечественной историографии. Это же касается исследуемого в работе влияния кризиса «либерального торизма» на взаимоотношения внутрипартийных группировок и исследуется процесс организационного оформления консервативной партии в 1830–1835 гг. Деятельность первого консервативного кабинета, известная в историографии как «Сто дней» Р. Пеля рассматривается в работе с точки зрения результатов трансформации конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в., а анализ попытки реализации принципов «разумного консерватизма» имеет подчиненное значение. Неудачный опыт правительства парламентского меньшинства стал не столько результатом изменений системы парламентского представительства, сколько итогом постепенного формирования системы сдержек и противовесов, характерных для конституционных механизмов современного типа. Прерогативные ограничения, характерные для политических практик «долгого XVIII в.», в такого рода системе отходят на второй план;

7. Отставка первого консервативного кабинета стала завершающим событием «конституционной революции» и последним случаем в конституционной истории Великобритании, когда правительство было сформировано из представителей партии, имеющей меньшинство в нижней палате парламента. Но это не значит, что процесс формирования политического режима конституционной монархии завершился. Скорее, стоит говорить о том, что в ходе «конституционной революции» прерогативные полномочия английской короны в области управления страной были сосредоточены в руках кабинета министров. Парламент обрел собственные прерогативные полномочия и получил характерную для современных конституционных монархий систему сдержек и противовесов при взаимодействии палаты лордов и общин;

8. Критицизм, характерный для современной историографии конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы

Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в., представляется вполне оправданным. Более того, предпринятое комплексное исследование концепта «конституционной революции» показывает не только его меняющееся во времени содержание. Изучение историографических интенций и теоретического инструментария исследований последнего тридцатилетия позволяет заключить, что новации середины 1980-х гг., обусловленные более пристальным вниманием к политической традиции и исследовательскими акцентами, все более смещающимися в направлении детального изучения конституционных оснований «старого порядка» на протяжении «долгого XVIII в.», привели к тому, что отношение к содержанию концептов «старого порядка» и «конституционной монархии» в их английском варианте стало более взвешенным. Что касается английского варианта «конституционной монархии», то он настолько существенно отличается от континентальной модели, что применить его к политической системе Великобритании «долгого XVIII в.» без ущерба для адекватности понимания невозможно. Только в период «конституционной революции» английское конституционное устройство и политическая система обретают комплекс признаков, характерных для современных конституционных монархий, что раскрывает еще одну грань «конституционной революции», изменившей традиционную политическую систему. Эта сторона рассматриваемого в работе концепта, по-видимому, нуждается в пристальном внимании и изучении.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности. Диссертационное исследование проведено в рамках научной специальности 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история). Области исследования: п. 5 – Новая история (XVII – XIX вв.); п. 9 – Исторические традиции и инновационные преобразования; п. 13 – Власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек; п. 14 – Реформы и революции в истории; п. 22 – История религии и церкви.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования в том, что его материалы, а также теоретико-методологические положения и выводы могут быть использованы в научной и педагогической деятельности, для изучения конституционной, политической и религиозной истории Великобритании первой трети XIX в. Также результаты диссертационного исследования могут оказаться полезными при создании общих и специальных курсов по истории нового времени стран Европы истории европейского конституционализма. Материалы диссертации могут быть использованы философами, правоведами и политологами, которые занимаются проблемами конституционного устройства, партийно-политической системы и конфессиональными проблемами Великобритании первой трети XIX в. Материалы исследования позволяют проанализировать комплекс обстоятельств, способствующих эволюционной трансформации политического режима, соответствующих политических практик, что может стать весьма актуальным не только для политической системы

современной России, но и для решения аналогичных проблем, возникающих сегодня в других странах.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования апробированы на международных (г. Лондон, Ковентри) и всероссийских (г. Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Краснодар) научно-практических конференциях. Результаты работы также отражены в 55 научных публикациях, в том числе – в 5 монографиях. Материал диссертации использовался при написании учебного пособия «Эволюция английских политических институтов в XVI – первой трети XIX вв.» (Ростов-на-Дону, 2016, 14,5 п.л.) и разработке лекционных курсов по истории Нового времени стран Европы и Америки в Южном федеральном университете. Кроме того, в 2015 г. в университете г. Бреда (Нидерланды) автор сделал доклад «The Irish Precedent for English Church Reform: The Irish Church Temporalities Bill of 1833». В 2018 г. на международной конференции «Британский мир: опыт политического, социального и культурного развития» в Санкт-Петербургском университете был сделан доклад ««Конституционная революция начала 20-х – середины 20-х гг. XIX в. и ее место в процессе становления конституционной монархии в Великобритании»».

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите на заседаниях кафедры зарубежной истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону) и кафедры всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар).

Структура работы определяется ее целью и комплексом задач, решение которых необходимо для ее достижения. Диссертационное исследование, построенное по проблемно-хронологическому принципу, состоит из введения, шести глав, заключения, а также списка источников и литературы, использованных в процессе его написания.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационной работы, определяются объект и предмет исследования, обозначены хронологические и географические рамки, цель и задачи исследования, указаны его методологические и теоретические основы. Значительную часть данного раздела составляют характеристика изученности проблемы и анализ источниковой основы. Раскрыта научная новизна исследования, указаны положения, выносимые на защиту. Показана теоретическая и практическая значимость достигнутых в ходе исследования результатов. Кратко охарактеризована степень апробации итогов исследования, соответствие паспорту научной специальности. Изложена структура работы.

Первая глава работы «Историографические и теоретико-методологические проблемы в исследовании трансформации конституционного устройства и партийно-политической системы Великобритании

начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в.» носит характер историографического и методологического пролога к исследованию. В ней раскрывается общее состояние изученности проблемы и обосновывается необходимость комплексного исследования заявленных в работе вопросов.

Параграф 1.1 «Историографические проблемы в изучении эволюции политических институтов Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в.» посвящен детальному историографическому анализу концепта «конституционной революции» от момента его зарождения в конце 1950-х гг. и до сегодняшнего дня. Автор делает особый акцент на тех изменениях, которые произошли в осмыслении проблем «конституционной революции» в Великобритании середины 20-х – начала 30-х гг. XIX в. в последние два десятилетия прошлого века. Также показана тесная связь этих изменений с постепенным утверждением в британской историографии концепции «долгого XVIII в.». Особое значение в этом отношении приобрела рассматриваемая во второй части параграфа методологическая проблема рациональной теории традиции и влияния последней на эволюцию политических институтов и партийно-политическую систему страны в изучаемый период.

В параграфе 1.2 «Эволюция политических институтов Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в.: объяснительные модели в координатах «традиция – модернизация – трансформация» детально анализируются ключевые объяснительные модели, обусловившие необходимость комплексного анализа проблем, связанных с процессом трансформации конституционного устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. В ходе критического рассмотрения основных положений теории социальных порядков Д. Норта и Дж. Уоллиса, а также теории конфликта элит Р. Лахмана показано, что положения этих новейших объяснительных моделей в сочетании с рациональной теорией традиции М. Оукшотта, появившейся практически одновременно с концептом «конституционной революции», могут стать надежной методологической базой изучения трансформации конституционного устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. Автор подчеркивает эвристические и инструментальные возможности указанных теорий, оказавшиеся весьма значимыми для диссертационного исследования.

Во второй главе работы «Особенности эволюции конституционного устройства и партийно-политической системы Великобритании на протяжении «долгого XVIII в.»: оценки современной историографии и ключевые проблемы «конституционной революции» доказано, что период конца XVII – первой трети XIX вв. стал поворотным моментом в политической истории страны. В это время произошел постепенный переход от ограниченной монархии к конституционной и заложены предпосылки трансформации системы прерогативных ограничений в конституционные механизмы и структуры политического участия современного типа.

В параграфе 2.1 «Конституционное устройство Великобритании и процесс трансформации политического режима ограниченной монархии» автор доказывает, что ключевые аспекты конституционной истории и истории партийно-политической системы страны на протяжении «долгого XVIII в.», и особенно насыщенного преобразованиями во всех указанных сферах исторического интервала с 1822 по 1835 гг., получают в современной историографии более взвешенную оценку. Приходит осознание того, что переход от ограниченной монархии поздних Стюартов к конституционной монархии современного типа следует рассматривать не как одномоментный акт, а ограничиваемый довольно широкими временными рамками процесс. Его начало связано с событиями Славной революции 1688 г., в ходе которых ординарная и экстраординарная прерогатива английских монархов впервые в истории страны были ограничены парламентским актом. Завершение этого процесса приходится на 1822–1835 гг., когда произошли важнейшие изменения, затрагивающие конституционную и партийно-политическую систему страны, были осуществлены организационные изменения, повлиявшие на роль и место политических партий в политической системе страны, когда прекратилось использование прерогативных полномочий короны при формировании кабинета министров.

Особое внимание автор уделяет тому обстоятельству, что исследование влияния общего права на конституционное устройство и партийно-политическую систему страны на протяжении «долгого XVIII в.», заставляет акцентировать внимание на изучении особенностей английского варианта «старого порядка». Последний оценивается автором как трансформирующийся и исторически-преемственный тип политической системы, к анализу институтов и практик которого следует подходить, избегая искажающих его содержание историографических клише. Поэтому события Славной революции 1688 г. оцениваются автором лишь как начало трансформации политических институтов и практик «старого порядка» в конституционные механизмы современного типа. Политический режим, в рамках которого происходила эта трансформация, характеризуется как ограниченная, или, применительно к поздним Стюартам, персональная монархия.

Английская монархия конца XVII в. могла оцениваться как конституционная лишь в весьма специфическом и отличном от современного понимания смысле. Она была прочно укоренена в институтах общего права, и формирование конституционных механизмов и политических практик современного типа активно продолжалось вплоть до первой трети XIX в. Этот многоаспектный процесс был связан с постепенным переходом ряда прерогативных полномочий короны к парламенту и позднее – к лидеру парламентского большинства в палате общин. В результате парламент оказался не только проводником ординарной королевской прерогативы, но и получил закрепленное прецедентами право самостоятельного формирования политической повестки. Вторым направлением этой трансформации стало реформирование института политического представительства, тесно связанное с процессом преобразования личных привилегий элиты, организованной в корпоративное по характеру представительство, в

формальное и безличное избирательное право, сделавшее возможным появление механизмов репрезентации современного типа и способствовавшее становлению парламента в качестве законодательного органа. Исследовательские акценты сегодня сместились с поиска прецедентов, обеспечивших переход прерогативных полномочий короны в руки парламента, к анализу факторов, обеспечивших преемственную эволюцию политической системы в ходе подобных значительных изменений.

В параграфе 2.2 «Политические партии и система политического представительства. Парламент в политической системе Великобритании второй половине XVIII – первой трети XIX в.» выяснено, что трансформация традиционных политических институтов, институтов участия и политических практик Великобритании конца XVII – первой трети XIX вв. в современные конституционные механизмы дополнялась появлением в парламенте прообразов политических партий. Автор солидаризуется с доминирующим в современной историографии мнением, что вплоть до конца XVIII – середины 20-х гг. XIX вв. роль партий в механизме реального управления страной была весьма скромной. Подчеркивается, что положение коренным образом меняется в 1822–1835 гг., когда появляются новые формы партийной организации на основе идеологических представлений и способы обеспечения партийного единства, связанные с современными механизмами репрезентации. До этого времени парламентские фракции оцениваются как группировки элиты, структурированные на основе патрон-клиентских отношений.

Подчеркивается, что процесс трансформации традиционных политических институтов и практик приобрел более интенсивный характер во второй половине 20-х – середине 30-х гг. XIX в., что заставляет во многом переосмысливать концепт «конституционной революции». Именно этот хронологически небольшой период стал завершающим этапом в становлении современных конституционных механизмов и политических практик и точкой отчета в оформлении характерной для конституционной монархии партийно-политической системы. Помещенный автором в более широкий исследовательский контекст, этот период, несмотря на большое количество исследовательских работ, посвященных ему, и богатую историографическую традицию, все же выглядит недостаточно изученным.

В параграфе 2.3 «Кабинет министров в политической системе Великобритании. Религиозные аспекты «конституционной революции» в современной историографии» автор обосновывает необходимость комплексного исследования причин и факторов, благодаря которым в сравнительно короткий исторический интервал 1822–1835 гг. в Великобритании произошло окончательное оформление политических институтов, институтов политического участия, конституционных механизмов и политических практик, характерных для конституционной монархии в современном понимании термина. Именно такое исследование позволит переосмыслить многие аспекты процесса зарождения современных политических партий с характерными для них организационными формами и механизмами взаимодействия с политическими оппонентами и об-

ществленным мнением. Также необходимым является исследование проблем, связанных с хронологическими границами «конституционной революции», местом и ролью правовых и религиозных реформ «либеральных тори» в 1822–1829 гг., а также оценкой событий 1830–1831 гг. и парламентской реформы 1832 г. в системе преобразований «конституционной революции». Самого пристального внимания заслуживает проблема определения характера и основных аспектов эволюции партийно-политической системы в ходе «конституционной революции», связанных с постепенным переходом от парламентских фракций к партиям в классическом смысле слова.

Третья глава работы «Исторические и теоретические аспекты влияния общего права на трансформацию конституционной и партийно-политической системы Великобритании, политические институты и практики на протяжении «долгого XVIII в.» посвящена анализу ключевых аспектов общего права на конституционное устройство и партийно-политическую систему страны в изучаемый период. Автор особо обращает внимание на то обстоятельство, что исторически преемственный характер и уникальная приспособляемость английской политической системы к меняющимся историческим условиям, не в последнюю очередь обусловлены особенностями общего права. Конституционно-правовым аспектам в системе политических изменений 1822–1835 гг. не уделяется должного внимания.

В параграфе 3.1 «Традиционный характер общего права и значение королевской прерогативы для конституционного устройства Великобритании накануне «конституционной революции» доказано, что, являясь уникальной правовой системой, английское общее право базировалось на принципах следования традиции и общепринятой нормативности. В отличие от континентальной правовой системы, именно эти принципы, а не положения принимаемых парламентом актов, служили критериями истинности или ложности в процессе оценки деятельности политических институтов. То же касалось аргументов, высказываемых сторонами в ходе парламентских дебатов, а также политических позиций, занимаемых их участниками. При этом наряду с динамической составляющей процесса трансформации конституционного устройства и партийно-политической системы Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в., оказывается важной его иная, традиционная сторона, получившая закрепление в нормах общего права. Подчиненное положение актов, принимаемых парламентом, в системе норм общего права способствовало тому, что к началу XIX в. парламентское законодательство воспринималось как экстраординарная мера, призванная лишь устранять ставшие очевидными несовершенства общего права. Это обстоятельство серьезно ограничивало возможности королевской власти влиять на сложившуюся конструкцию общего права, обеспечивая устойчивый общественный консенсус в отношении значимости, традиционности и справедливости его норм.

В параграфе 3.2 «Общее право, парламентские процедуры и прерогативные полномочия парламента в политической системе Великобритании «долгого XVIII в.» обоснован тезис, в соответствии с которым осуществление

системных конституционных изменений начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в., получивших в британской историографии наименование «конституционной революции», стало возможным во многом благодаря специфическим особенностям общего права. Именно оно как никакая другая правовая система оказалось готовым к практической реализации принципа верховенства права. На практике это означало, что традиционно сложившиеся в процессе осуществления различными политическими институтами своих полномочий права и привилегии, воспринимались подданными английской короны как традиционный и в этом отношении справедливый и необходимый элемент политической системы страны.

Кроме того, анализ правовых оснований королевской прерогативы доказывает, что королевское законодательство всегда играло подчиненную роль, вследствие чего традиционные политические структуры в лице парламента уже к концу XVII в. оказались основным проводником ординарной королевской прерогативы, создавая предпосылки ее дальнейшего ограничения. Также автор обоснован тезис о том, что к началу XIX в. палата общин трансформировалась из проводника ординарной прерогативы в корпоративный орган власти, способный формулировать собственную политическую повестку и принимать к рассмотрению любые вопросы текущей политики, исключая лишь экстраординарные полномочия монарха. Что же касается роли парламента в политической системе, то автор наглядно показывает, что к началу «конституционной революции» последний не являлся центром коммуникации между парламентом и обществом, но был скорее местом для критического анализа деятельности правительства различными группировками политической элиты.

В четвертой главе «Партия тори и процесс трансформации конституционного устройства и партийно-политической системы Великобритании в 1822-1830 гг.» анализируются изменения, внесенные «конституционной революцией» в партийно-политическую систему Великобритании.

В параграфе 4.1 «Партийно-политическая система Великобритании в 20-х гг. Ошибка! Закладка не определена. в.: «либеральный торизм» и формирование кабинета герцога Веллингтона» автор особо подчеркивает, что нововведения, предпринятые либеральными тори в 1822-1827 гг., способствовали постепенному размежеванию партии на три политические группировки (каннингитов, умеренных и ультра-тори), которые с трудом находили общий язык друг с другом в условиях отсутствия сколь-нибудь разработанных механизмов поддержания партийной дисциплины. Следствием подобного фракционизма стало то, что кабинету герцога Веллингтона пришлось, во многом вопреки собственному желанию, заниматься решением тех вопросов политической повестки (реформа правовой системы и создание механизмов поддержания общественного порядка, предоставление гражданских и политических прав диссидентам и католикам), которые были инициированы их политическими оппонентами.

В этой связи автор обращает внимание на очень важную сторону «конституционной революции». Если «либеральные тори» в 1822–1827 гг. предприни-

мали первые попытки сформировать собственную политическую повестку, то их относительные успехи на этом пути объяснялись тем, что вопросы, включаемые в нее, еще не носили национального характера и не составляли принципиальной оппозиции традиционному «торийскому интересу». Преобразования не затрагивали ординарную прерогативу настолько, чтобы можно было говорить о кардинальной смене приоритетов парламента как проводника этой прерогативы в пользу формирования собственной политической повестки.

Параграф 4.2 «Последнее торийское правительство и проблема правовых реформ во второй половине 20-х гг. XIX **Ошибка! Закладка не определена.в.: суды общеправа, правовые процедуры и формирование системы поддержания общественного порядка»** посвящен детальному анализу комплекса преобразований в правовой сфере, осуществленным тори к 1830 г. При этом автор убедительно показывает, что правовые реформы второй половины 20-х гг. **Ошибка! Закладка не определена.в.** самым непосредственным образом затрагивали ординарную прерогативу английских монархов и фиксировали переход части прерогативных полномочий в сферу парламентского законодательства. Отношение парламентских фракций к проблеме правовых реформ конца 20-х гг. XIX в. было различным. Если лидеры вигской партии подходили к проблеме концептуально, теоретически анализируя ее и предлагая соответствующие нововведения, то лидеры тори были более утилитарны. Стремление к практическому устранению недостатков в правовой области сочеталось у них с достаточно консервативным отношением к вопросу в целом, что отрицательно сказывалось на полноте восприятия политических последствий происходящего. Именно специфический подход партии тори и ее министров в кабинете Веллингтона к использованию ординарной прерогативы наиболее ярко проявился в период острого политического кризиса, вызванного реформами 1828–1829 гг. в религиозной сфере.

Параграф 4.3 «Религиозный контекст «конституционной революции»: отмена ограничений политических прав диссентеров и проблема эмансипации католиков» использован автором для того, чтобы показать, что в период с 1828 по 1830 г. ситуация в партии коренным образом изменилась. «Умеренным тори» – влиятельной, но не единственной фракции в партии, приходилось не только противостоять реформистским начинаниям вигов, но и пытаться сохранять хотя бы видимость единства в рядах собственной партии. Кабинет Веллингтона относительно успешно справился с этой задачей в период политического кризиса, связанного с предоставлением политических прав диссентерам. Когда же год спустя ради поддержания конституционного порядка в Ирландии и, как тогда казалось, сохранения единства внутри кабинета, правительству Веллингтона пришлось взять на себя ответственность за проведение эмансипации католиков, – меры, на которую не решались предыдущие торийские министерства, шанса на такой успех уже не было. Министрам короны еще удалось нивелировать излишне радикальные предложения вигской оппозиции, фактически заставив своих политических оппонентов голосовать в пользу куда более умеренного правительственного законопроекта. Эмансипация католиков

1829 г., будучи последним значимым преобразованием дореформенного парламента, стала и наиболее зримой иллюстрацией того, что корпоративное политическое представительство не в состоянии адекватно реагировать на общенациональные вопросы политической повестки, затрагивающие прерогативные полномочия короны и основы конституционной системы страны в целом.

В параграфе 4.4 «Политический кризис 1829 г. и роль отставки кабинета герцога Веллингтона в процессе организационной трансформации партии тори» автор подчеркивает, что следует принимать во внимание те немаловажные аспекты стоящих перед последним торийским кабинетом проблем, последствия решения которых затрагивали не только сферу текущей политики, но и ряд прерогативных и конституционных вопросов. В то же время сам парламент становился все более независимым в процессе формирования собственной политической повестки, в орбиту которой зачастую попадали вопросы, прямо или косвенно затрагивающие прерогативные полномочия английской короны. Складывалась парадоксальная с точки зрения норм общего права и конституционного устройства английского варианта ограниченной монархии ситуация. Парламент де-факто самостоятельно формировал политическую повестку и добивался статутного оформления достигнутых решений, все более трансформируясь из проводника ординарной королевской прерогативы в законодательный орган в современном значении этого термина. Однако обретение палатой общин столь широкого круга полномочий не сопровождалось появлением современных механизмов политического участия: парламент как и прежде формировался ограниченным количеством избирателей, а внутри него преобладающее влияние имели созданные при помощи отношений патронажа, а также личных и семейных связей фракции.

После религиозных реформ 1828–1829 гг. единственной надежной опорой для министров короны оставались преобладание тори в палате лордов и личное расположение монарха, к началу 1830 г. практически утраченное. Кризис при голосовании по вопросу о размерах и содержании «цивильного листа» не только стал фатальным для кабинета Веллингтона, но и явился свидетельством серьезных изменений в конституционной системе английской ограниченной монархии. Впервые в ее практике переход ряда прерогативных полномочий короны в руки парламента оказался не следствием финансовых затруднений монархии, но тривиального политического скандала, реакция на который стала одним из прецедентов на пути трансформации парламента в законодательный орган в современном значении этого слова.

В пятой главе «Великие реформы» и трансформация конституционного устройства и партийно-политической системы Великобритании в 1830–1834 гг.» отмеченные обстоятельства стали предметом детального анализа. Период с ноября 1830 г. по ноябрь 1834 г. был ознаменован рядом существенных перемен в конституционном устройстве и партийно-политической системе страны. Эти перемены являлись важной составной частью процесса, связанного с формированием новых конституционных принципов взаимодействия короны

и кабинета министров, а также обеих палат парламента с правительством в процессе реализации его инициатив.

В параграфе 5.1 «Правительственный кризис лета-осени 1830 г. и формирование «министерства реформ» лорда Грея» автор особо выделяет то обстоятельство, что отмеченный кризис был спровоцирован парламентским фракционизмом, имеющим своим следствием формирование в стенах нижней палаты весьма причудливых политических комбинаций. Парламентские выборы 1830 г. показали возросшую зависимость действующего правительства от мнения избирателей. Однако автор наглядно показывает, что степень этой зависимости все же не следует преувеличивать. Парламентские группировки, сформировавшиеся в палате общин по результатам выборов, представляли собой классические фракции, ничем не отличающиеся от своих более ранних предшественниц в 20-е гг. XIX в. В этом отношении последний дореформенный парламент был вполне типичен. Кабинет лорда Грея был сформирован с использованием тех же патерналистских шаблонов. Очевидно, что ни виги, ни тори не осознавали в полном объеме масштаб и характер происходящих перемен. Направление эволюции партийно-политической системы в конце 1830 г. зависело от того, каким образом будут осознаны причины политического кризиса, и какие уроки из этого кризиса будут извлечены.

Параграф 5.2 «Парламентская реформа 1832 г. и ее влияние на конституционное устройство, институты участия и состояние партийно-политической системы Великобритании в ходе «конституционной революции» посвящен обоснованию тезиса о том, что парламентская реформа 1832 г. была проведена при активном использовании прерогативных полномочий английской короны. Прерогативные инструменты, начиная с принятия важнейших политических решений в кабинете монарха, и заканчивая попыткой создания второго кабинета Веллингтона, не имеющего большинства в палате общин, были использованы в полном объеме. Единственным значимым исключением из правила стало то обстоятельство, что прерогативные инструменты, связанные с возможностью создания в палате лордов мест для новых пэров, необходимых для прохождения правительственного законопроекта, остались нетронутыми. Здесь впервые в явном виде проявилось нежелание английской короны вмешиваться в повседневную деятельность кабинета министров тогда, когда такое вмешательство могло привести к использованию прерогативных полномочий короны вопреки смыслу общего права и принципам конституционного устройства, заложенным после 1688 г. Поэтому ключевые политические изменения, произошедшие в этот период, были зафиксированы в виде статутов. В этом отношении традиционная историографическая оценка, заключающаяся в том, что после 1832 г. английский парламент превратился в полноценный законодательный орган и занял соответствующее место в конституционной системе современного типа, представляется автору некоторым преувеличением. Скорее, в результате комплекса реформ 1829–1832 гг., проведенных парламентом с опорой на активное использование прерогативных полномочий английской короны, парламент трансформировался в орган политической власти, сре-

ди функций которого законодательство стало играть более заметную, но не ключевую роль.

В параграфе 5.3 «Парламентская сессия 1833 г.: проблемы церкви, религиозная политика кабинета лорда Грея, консервативная оппозиция и становление новых конституционных принципов» доказано, что, как и для кабинета Веллингтона несколькими годами ранее, самыми сложными для вигского правительства на парламентской сессии 1833 г. оказались религиозные проблемы. Особенно сложной оказалась ситуация с *Irish Church* **Ошибка! Закладка не определена.** *Temporalities Bill*. При его принятии имел место реальное противостояние вигов и консерваторов только отчасти обусловленное прерогативным характером предложенных в законопроекте мер. Анализ дебатов в обеих палатах парламента в ходе прохождения *Irish Church* **Ошибка! Закладка не определена.** *Temporalities* **Ошибка! Закладка не определена.** *Bill* свидетельствует, что к этому моменту королевская прерогатива окончательно переходит в руки министров кабинета. Успехи и неудачи последнего главным образом зависели от парламентского большинства, в свою очередь, все более зависимо от мнения избирателей. В этом отношении обнаруживается сходство с конституционными механизмами современного типа с тем важным исключением, что парламентские партии, противоборствующие в процессе принятия законопроекта, были еще весьма далеки от единства. Это наглядно проявилось при прохождении законопроекта о снижении пошлин на солод, когда тори голосовали против правительственных мер, несмотря на то, что консерваторы обещали кабинету поддержку. Становилось все более очевидно, что устойчивость кабинета напрямую зависит не только от парламентского большинства, но и характера взаимоотношений парламентских фракций. И если фактический отказ от использования политического влияния короны компенсировался парламентским большинством, то умелую тактику оппозиции игнорировать становилось все труднее. Постепенно складывалась система сдержек и противовесов, в которой все большую роль приобретали проблемы, связанные с открытостью парламента обществу и обеспечением идеологического единства парламентских партий.

Параграф 5.4 «Новые политические принципы консерватизма и эволюция механизмов обеспечения единства оппозиции: организационная структура, финансирование изданий консервативной партии и ее взаимоотношения с прессой в 1830–1834 гг.» посвящен детальному анализу влияния отмеченных выше трансформаций политической системы страны на партию тори в период ее пребывания в оппозиции в 1830–1834 гг. Подчеркивается, что это время для партии было заполнено напряженной работой по выработке новых политических принципов, формированию механизмов обеспечения партийного единства и созданию новой партийной стратегии и тактики. Симптоматичное новое название партии – «консервативная», под которым она предстает на политической сцене страны после парламентских выборов 1832 г., служило наглядной иллюстрацией серьезности происходящих внутри нее пере-

мен. Консерваторы впервые продемонстрировали, что партийные принципы могут быть подвержены изменению под влиянием текущей политической ситуации, а также о том, что подобная политическая гибкость способна приносить значимые плоды с точки зрения стратегических перспектив партии.

По мнению автора, «разумный консерватизм» Р. Пиля, предложенный в качестве партийной стратегии в парламенте 1833 г. – это конструктивный консерватизм, заключавшийся в том, чтобы привести идеи и тактические принципы консервативной оппозиции в соответствие с зарождающимся новым конституционным порядком и по возможности сохранить права и привилегии традиционного «земельного интереса». Благодаря этой стратегии к концу парламентской сессии 1833 г. наметилась явная тенденция к трансформации парламента из корпоративного представительства, призванного согласовывать позиции политических фракций, в орган политической власти, фактически использующий в своей повседневной деятельности элементы конституционной практики, привычно именуемой сегодня системой сдержек и противовесов.

На парламентской сессии 1834 г. указанные принципиальные положения новой консервативной политики Р. Пиля получили дальнейшее успешное развитие. Партийное строительство консерваторов принесло оппозиции ощутимые плоды. Фиксированное членство в консервативных организациях и регистрация избирателей, намеренных поддержать партию в округах были новыми способами обеспечения партийного единства вне стен парламента. Усилия консерваторов по поддержке прессы обеспечивали партии реальную возможность формировать более привлекательный образ партии в глазах общественности. К концу 1834 г. консервативная партия, объединенная на основе четких политических принципов, обладающая разработанной тактикой противостояния правительству и опирающаяся на центральную и местные партийные ассоциации, была яркой иллюстрацией масштабных изменений, которые произошли в партийно-политической системе страны в предшествующее пятилетие.

Параграф 5.5 «Парламентская сессия 1834 г. и ее влияние на процесс эволюции конституционного устройства и трансформацию партийно-политической системы Великобритании 30-х гг. XIX в.» посвящен анализу изменений, которые были привнесены в конституционное устройство страны на парламентской сессии 1834 г. Со всей очевидностью показано, что к этому времени прерогативные аспекты в деятельности палаты лордов постепенно перестают играть первостепенную роль. Автор подчеркивает, что «партия короны», явно прослеживаемая в верхней палате на протяжении конца XVIII – первой трети XIX в., подвергается серьезной диффузии. Верхняя палата парламента постепенно трансформировалась из защитника королевской прерогативы, призванного не допустить ее использованию вопреки смыслу общего права и обычаяв страны, в проводника собственного политического курса. К середине 30-х гг. XIX в. палата лордов обрела новое конституционное предназначение, заключавшееся в сдерживании радикальных устремлений кабинета министров и палаты общин. Палата лордов становилась частью системы сдержек и противо-

весов, выступая в роли арбитра, привычной для представительных органов современного типа.

Шестая глава «Трансформация партийно-политической системы Великобритании на завершающем этапе «конституционной революции»: «Сто дней» Р. Пиля» посвящена анализу отмеченных выше изменений в области партийно-политической системы. Автор акцентирует внимание на том, что ситуация с формированием кабинета виконта Мельбурна и первого консервативного министерства Р. Пиля стала наглядным свидетельством эрозии прерогативных полномочий короны в вопросах формирования кабинета министров.

В параграфе 6.1 «Отставка кабинета виконта Мельбурна и формирование первого консервативного правительства» показано, что создание «сильной коалиции» вигов и консерваторов оказалось недостижимым. То, что легко удавалось английским монархам в последней трети XVIII в., теперь оказалось весьма проблематичным. С другой стороны, автором наглядно показано, что вызывает серьезные сомнения тезис, в соответствии с которым правительство парламентского меньшинства было обречено на поражение ввиду крайней зависимости палаты общин от мнения избирателей. В 1830–1834 гг. корона, фактически прекратив прерогативное вмешательство в повседневную деятельность кабинета министров, все же упорно стремилась сохранить за собой возможность влиять на процесс формирования кабинета, фактически игнорируя то обстоятельство, имел ли создаваемый кабинет большинство в палате общин или нет. Скорее следует говорить о том, что в постепенно формирующейся в ходе «конституционной революции» системе сдержек и противовесов, основанной на балансе различных ветвей власти, кабинет министров оказывался зависимым от того, находят ли предлагаемые им мероприятия поддержку в палате лордов. Именно преобладание тори в палате лордов обеспечивало консерваторам известную свободу маневра в нижней палате парламента 1833–1834 гг., и на этой относительной свободе, а не зависимости от мнения избирателей, была построена относительно успешная парламентская тактика Р. Пиля и его последователей. В 1832–1834 гг., когда парламент постепенно трансформировался из корпоративного политического представительства в относительно самостоятельный орган политической власти, способный формировать собственную политическую повестку, более важной оказалась проблема нахождения баланса интересов между палатами парламента. Попытки обретения этого баланса, а не политической наивностью следует объяснять настойчивое вмешательство короны в процесс формирования кабинета министров даже тогда, когда в повседневной политической практике такое вмешательство сошло на нет.

Параграф 6.2 «Манифест из Тамурта» как программа действий первого консервативного кабинета и парламентские выборы 1835 г.» посвящен анализу одного из ключевых программных документов консерваторов в период пребывания у власти правительства парламентского меньшинства. При этом подобный анализ предпринят в широком конституционном контексте, благодаря чему показано, что единоличное решение монарха о роспуске кабинета, опи-

рающегося на прочное парламентское большинство, оказалось ошибочным. Отдавая должное административным талантам Р. Пиля, а также новым способам мобилизации общественного мнения, следует помнить, что достигнутые его первым кабинетом результаты базировались скорее на максимальном использовании возможностей, предоставляемых парламентскими процедурами, а также в опоре на прерогативные полномочия короны в условиях, когда правительство было лишено парламентской поддержки.

Кроме того, автор обращает внимание на то обстоятельство, что в новом конституционном механизме, постепенно оформившемся в период деятельности первого пореформенного парламента, достижение консенсуса между различными группами политической элиты внутри парламента по различным вопросам текущей политики базировалось на процедуре, гарантирующей права парламентского меньшинства. К 1835 г. стало очевидно, что в условиях реформированной системы политического представительства, когда нижняя палата парламента оказалась зависимой от общественного мнения в гораздо большей степени, чем когда-либо до этого, главными оказались поддержка избирателей и эффективная работа политических партий внутри парламента, основанная на идеологических принципах, отвергающих беспринципные фракционные комбинации. На смену аристократическим группировкам, объединенным узами патронажа и личных связей, постепенно приходили политические партии, зависящие от своих избирателей.

В параграфе 6.3 «Безуспешный эксперимент»: правительство Р. Пилья на парламентской сессии 1835 г. и завершение «конституционной революции» показано, что кризис 1834–1835 гг. стал свидетельством завершения процесса формирования конституционного политического режима современного типа. Процедурные аспекты, гарантирующие права парламентского меньшинства, были дополнены системой демократического представительства и парламентским контролем за деятельностью правительства, зависимым от степени поддержки его начинаний парламентским большинством. Именно в 1834–1835 гг. система сдержек и противовесов, характерная для конституционной монархии, впервые воплотилась на практике. Также был утвержден принцип формирования кабинета из представителей партии парламентского большинства, окончательно закрепленный в апреле 1835 г. после падения правительства Р. Пилья. Это был последний в английской конституционной практике случай, когда у власти находилось правительство, представляющее парламентское меньшинство.

В заключении диссертации автор подводит итоги исследования, выделяя ключевые аспекты трансформации конституционного устройства и партийно-политической системы Великобритании в ходе «конституционной революции» 1822–1835 гг., а также характеризует комплекс факторов, обусловивших указанную трансформацию.

Автор резюмирует, что концепт «конституционной революции» оформился в британской историографии конца 1950-х – начала 60-х гг. как критическая реакция на теоретико-исторические построения традиционной вигской историо-

графии. Общий смысл, вкладываемый в данное понятие, состоял в том, что в этот период произошло «постепенное превращение «аристократического полуконфессионального государства» в «полудемократическое либеральное государство». При этом, несмотря на всю существенность перемен, радикального слома старого порядка не произошло. В середине 1980-х гг. с появлением работ, показавших особую роль политической традиции в английской политической системе первой трети XIX в., события «конституционной революции» были переосмыслены. Оказалось, что значение политических партий в процессе трансформации конституционного устройства и политической системы оказалось преувеличенным, и возникло понимание того, что «конституционная революция» представляет собой концепт с меняющимся во времени содержанием. Однако до настоящего времени исследовательские сюжеты, связанные с конституционным и конфессиональным устройством Великобритании первой трети XIX в., трансформацией институтов участия и политических практик, а также эволюцией партийно-политической системы, оставались изолированными. Все это способствовало формированию авторского взгляда на «конституционную революцию» как специфический концепт с набором характерных черт и особенностей, который нуждается в комплексном исследовании с применением современных объяснительных моделей.

В диссертации «конституционная революция» 1822–1835 гг. в Великобритании впервые рассмотрена в качестве системного процесса, включающего трансформацию конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании в указанный период.

В процессе изучения комплекса факторов, повлиявших на характер и направленность трансформации конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании в период «конституционной революции», особое внимание было уделено современным объяснительным моделям, позволяющим поместить относительно небольшой хронологический период в более широкий историографический контекст. Было показано, что английская политическая система носит ярко выраженный традиционный характер и демонстрирует уникальную историческую приспособляемость. Поэтому ее изучение, предпринятое в работе, было направлено на выявление комплекса факторов, которые, с одной стороны, обеспечивают такую преемственность, а с другой – позволяют в случае необходимости производить быстрые и довольно радикальные изменения в политической системе, не нарушая при этом сложившегося общего баланса политических сил.

Что касается английского общего права, то в диссертационном исследовании показана и детально проанализирована в широком историческом контексте роль этой уникальной правовой системы и ее влияние на традиционный характер и специфику конституционного устройства страны в первой трети XIX в. Впервые в отечественной историографии предложен и аргументирован тезис о том, что влияние общего права на конституционное устройство и политиче-

скую систему Великобритании в исследуемый период проявилось в нескольких отношениях. Важнейшую роль в традиционной политической системе Великобритании сыграла фиксированная в общем праве королевская прерогатива. Одним из ключевых итогов исследования стала авторская концепция о том, что перераспределение прерогативных полномочий монарха между короной, парламентом и кабинетом министров составило конституционный смысл политических изменений, которые произошли в политической системе страны с начала 20-х до середины 30-х гг. XIX в. В исследовании показано, что в системе прецедентов, составлявших главную опору английского общего права, статутное законодательство играло подчиненную роль. Это обстоятельство было неоднократно отмечено исследователями, но при этом зачастую упускалось из виду, что именно в силу своей оперативности статутное право становилось важнейшим инструментом политических изменений тогда, когда в этом назрела необходимость. В работе сделан акцент на то, что большинство актов, фиксировавших ключевые изменения в конституционном и конфессиональном устройстве, а также в системе политического представительства в период с начала 20-х до середины 30-х гг. XIX в., было оформлено в виде статутов. В ходе диссертационного исследования нашел подтверждение тезис о том, что английское общее право являлось источником парламентских процедур, гарантирующих права меньшинства. Это обстоятельство зачастую воспринимается исследователями как нечто само собой разумеющееся, но некоторые моменты этой проблемы все же заслуживают особого внимания. Парламентские процедуры позволяли формировать адекватную политическую повестку в условиях корпоративного политического представительства и отсутствия современных демократических механизмов репрезентации, а также соответствующих им политических практик. Этот аспект проблемы до сегодняшнего дня не был достаточно артикулирован. В этой связи совершенно иначе выглядят те изменения, которые произошли в политической системе страны в ходе «конституционной революции» и затрагивающие роль парламента. В работе наглядно показано, что он получил возможность не только быть проводником ординарной королевской прерогативы, но и формировать собственную политическую повестку. Но превращения парламента в полноценный законодательный орган в современном значении слова в ходе «конституционной революции» не произошло.

Предпринятое в работе детальное исследование влияния общего права на процесс трансформации конституционного устройства и партийно-политической системы страны повлияло на необходимость корректировки хронологических границ «конституционной революции». В диссертационном исследовании предлагается расширить хронологические рамки «конституционной революции», ограничив их периодом с 1822 по 1835 гг. Базовым принципом для такого рода хронологии послужили изменения в конституционном устройстве, связанные с перераспределением ряда прерогативных полномочий короны между парламентом и кабинетом министров. Эти изменения имели своим следствием прекращение вмешательства короны сначала в повседневную деятельность кабинета министров (с 1822 г.), а затем и в процесс его формирования

(после 1835 г.). В работе показано, что именно эти обстоятельства, оправдывают расширение хронологических рамок «конституционной революции». Кроме того, в пользу предлагаемого тезиса говорит и то обстоятельство, что в традиционной английской политической системе ни одно серьезное конституционное изменение не может рассматриваться как одномоментный акт, но всегда представляет собой растянутый во времени процесс.

Особое внимание в диссертационном исследовании было уделено религиозному аспекту в «конституционной революции». Комплекс религиозных преобразований последнего торийского кабинета герцога Веллингтона, связанный с отменой религиозных ограничений для диссентеров в 1828 г. и предоставлением политических прав католикам в 1829 г., помещается при этом в более широкий историографический контекст. Этот комплекс рассматривается не только как часть религиозной политики «либеральных тори», но и тесно увязывается с изучением последствий указанных преобразований для конституционного устройства страны. В работе со всей очевидностью показывается, что эмансипация католиков не только оказалась последним значимым деянием дореформенного парламента, но и последней крупной реформой, осуществленной вопреки воле большинства с опорой на прерогативные полномочия короны. Это обстоятельство вплоть до самого последнего времени не рассматривалось в предложенном в работе контексте. Также сделан акцент на то, что религиозные начинания вигских кабинетов лорда Грея и виконта Мельбурна в 1833–1834 гг., связанные с попыткой использования церковных налогов на светские нужды государства, не только относительно слабо изучены, но и явно недооценены с точки зрения значения конфессионального фактора в «конституционной революции». В диссертационном исследовании подчеркивается, что именно религиозные реформы составили один из ее ключевых факторов.

Что касается реформы политического представительства 1832 г., то ее место и роль в процессе трансформации конституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в., рассматриваются в диссертационном исследовании в качестве одного из важных, но отнюдь не ключевых обстоятельств «конституционной революции». Изменения политических практик, связанных с расширением избирательного права, в настоящем исследовании расцениваются как незначительные потому, что в традиционной английской политической системе важно не то, насколько «демократично» формируется парламент, а то, насколько удачно находящиеся в нем политические группировки, представляющие элиту, формируют адекватную политическую повестку. В этом отношении ключевой тезис исследования заключается в том, что электоральные аспекты «конституционной революции» оказались в значительной степени переоцененными, причем тенденция, основанная на их более сдержанной оценке, еще только начинает формироваться.

Значение тех изменений в системе политического представительства, которые были произведены реформой 1832 г., также представляется автору преуве-

личным. Английский парламент оберегал обретенные в 1832–1835 гг. в ходе «конституционной революции» прерогативные полномочия не менее ревностно, чем английская корона оберегала свои права двумя столетиями ранее. В работе наглядно показывается, что главной причиной беспокойства для политических элит было не расширение избирательного права, а то негативное влияние, которое оно могло оказать на традиционно организованную политическую систему.

Ключевое значение в изучении процесса трансформации конституционного устройства Великобритании в начале 20-х – середине 30-х гг. XIX в., предпринятом в диссертационном исследовании, составляет исследовательский сюжет, связанный с эволюцией партийно-политической системы страны в указанный хронологический период. Вопреки устоявшейся историографической традиции, в работе изучение места и роли партий тори и вигов в процессе трансформации политической системы страны в период «конституционной революции» производится в более широком историографическом контексте, учитывающем изменения в конституционном устройстве. При этом частично оспаривается устоявшийся взгляд, в соответствии с которым уже в первой трети XIX в. политические партии играли существенную роль в политической системе страны. При этом подчеркивается, что до конца первой трети XIX в. преобладающую роль в формировании политической повестки играли не политические партии, а монархия и кабинет министров. В работе со всей возможной степенью детализации показывается, что в период «конституционной революции» партийно-политическая система Великобритании переживала процесс перехода от корпоративно оформленных внутрипарламентских фракций к политическим партиям современного типа.

В этом отношении кризисное состояние партии тори в конце 20-х гг. XIX в. и в период ее пребывания в оппозиции, является весьма показательным. Религиозные реформы «либеральных тори» были проведены с использованием прерогативных полномочий короны, а противостояние тори религиозным преобразованиям вигских кабинетов лорда Грея и виконта Мельбурна базировалось на использовании изощренной парламентской тактики в палате общин и преобладании тори в палате лордов. В любом случае, оба начинания носили вынужденный характер и имели ограниченный успех. Авторская интенция в данном аспекте заключается в том, что партия тори в 1830–1834 гг. была вынуждена сосредоточиться на формировании новых политических принципов «разумного консерватизма». Однако в работе акцентируется внимание на том, что реальную степень влияния новых политических принципов, и в особенности новых форм и методов обеспечения партийного единства и электорального воздействия на избирателей не следует преувеличивать. Скорее, это была работа на перспективу, но то, что сама эта перспектива осознавалась лидерами консерваторов в 1835 г., представляется весьма сомнительным.

Что касается деятельности первого консервативного кабинета, известного в историографии как «Сто дней» Р. Пиля, то в диссертационном исследовании она рассматривается прежде всего в контексте результатов трансформации кон-

ституционного и конфессионального устройства, политических институтов, институтов участия и политических практик, а также партийно-политической системы Великобритании начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. В исследовании детально показано, что неудачный опыт правительства парламентского меньшинства стал не столько результатом изменений системы парламентского представительства, как это обычно подчеркивается в традиционной историографии проблемы, сколько итогом постепенного формирования системы сдержек и противовесов, характерных для конституционных механизмов современного типа. Отставка первого консервативного кабинета исследуется в работе в качестве завершающего события «конституционной революции» и последнего в конституционной истории Великобритании прецедента, когда правительство было сформировано из представителей партии, имеющей меньшинство в нижней палате парламента. Однако в работе особо акцентируется внимание на том, что с отставкой первого консервативного кабинета Р. Пиля процесс формирования политического режима конституционной монархии завершился. Скорее стоит говорить о том, что в ходе «конституционной революции» прерогативные полномочия английской короны в области управления страной были сосредоточены в руках кабинета министров. Парламент же в этот период не только обрел собственные прерогативные полномочия, но и получил характерную для современных конституционных монархий систему сдержек и противовесов при взаимодействии палаты лордов и общин.

Наконец, в исследовании в полной мере разделяется критицизм, характерный для современной историографии в оценке результатов изменений в конституционном и конфессиональном устройстве, политических институтах и практиках. В исследовании указывается, что английская версия «старого порядка» предполагает не только систему привилегий и механизмов патронажа, характерных для политической системы традиционного общества, но и наличие общего права в качестве уникальной правовой системы, фактически являвшейся важнейшим элементом конституционного устройства и обеспечивающей преемственное развитие и постепенную трансформацию политической системы, а также трансляцию политической традиции. Что же касается английского варианта «конституционной монархии», то результаты исследования приводят к заключению о том, что он настолько существенно отличается от континентальной модели, что применить его к политической системе Великобритании «долгого XVIII в.» без ущерба для адекватности понимания едва ли возможно. Только в период «конституционной революции» английское конституционное устройство и политическая система обретают комплекс признаков, характерных для современных конституционных монархий. Это обстоятельство, подвергнутое детальному анализу в диссертационном исследовании, раскрывает еще одну грань «конституционной революции», изменившей традиционную политическую систему. Именно эта сторона рассматриваемого в работе концепта, по видимому, нуждается в дальнейшем пристальном внимании и изучении.

Отмечено, что анализ факторов, обусловивших характер и направленность изменений в политической системе страны в ходе «конституционной револю-

ции» остается проблемой, исследовательские подходы к которой еще только формируются в современной историографии. Именно поэтому конституционное устройство Великобритании первой трети XIX в., роль общего права в ограничении прерогативных полномочий английской короны и трансформации парламента из корпоративного политического представительства и проводника ординарной прерогативы в представительный орган власти современного типа, а также изменяющееся место и роль партий вигов и тори, переживающих процесс эволюции от парламентских фракций к политическим партиям современного типа составили комплекс исследовательских сюжетов диссертационного исследования, впервые рассмотренных системно.

В итоге «конституционная революция» 1822–1835 гг. в Великобритании предстает как относительно самостоятельный хронологический период в истории страны, связанный с процессом трансформации ее конституционного устройства и партийно-политической системы. Общий характер и направленность изменений в области конституционного устройства заключались в завершении перехода от политического режима ограниченной монархии к конституционным механизмам современного типа, связанного с перераспределением прерогативных полномочий короны между парламентом и кабинетом министров и прекращением ее прерогативного вмешательства в повседневную деятельность и процесс формирования правительства. В области партийно-политической системы главный вектор изменений заключался в постепенной трансформации внутрипарламентских группировок политической элиты в политические партии в современном понимании этого термина. Электоральные аспекты этого процесса и влияние на него реформы политического представительства 1832 г. оцениваются как незначительные с точки зрения их практических последствий для партийно-политической системы. Также признается ограниченное влияние политических партий на формирование текущей политической повестки в политической системе страны, во много сохраняющей свой традиционный характер благодаря отмеченным особенностям общего права. Что касается партии тори-консерваторов, то практические результаты ее деятельности в период 1832–1835 гг. оцениваются как весьма скромные. Но доказывается, что приоритет тори-консерваторов в формировании принципов «разумной консервативной политики» как определенного отношения к политической реальности, в разработке парламентской стратегии и тактического арсенала очевиден.

Основные положения диссертации изложены в публикациях соискателя:

Монографии

1. Клочков В.В. Кризис партии тори и формирование политической стратегии британского консерватизма (1828–1835 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2008. 158 с. (9,3 п.л.).

2. Клочков В.В. Монархия, парламент и институты участия в английской политической системе XVI – первой трети XIX вв.: традиция и модернизация. Ростов н/Д: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2012. 414 с. (25,9 п.л.).

3. Клочков В.В. Институты политического участия и становление конституционной монархии в Великобритании первой трети XIX в. Ростов н/Д: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2013. 160 с. (10,0 п.л.).

4. Клочков В.В. Трансформация партийно-политической системы на завершающем этапе становления конституционной монархии в Великобритании (конец 20-х – середина 30-х гг. XIX в.). Таганрог: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2015. 474 с. (29,8 п.л.).

5. Клочков В.В. Партия тори–консерваторов и «конституционная революция» 1822–1835 гг. в Великобритании. Ростов н/Д: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2017. 480 с. (28,0 п.л.).

Публикации в журналах перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

6. Клочков В.В. Политические партии и реформы правовой системы Англии в 20–30-е гг. XIX в. // Известия Таганрогского гос. радиотехнич. ун-та. 2002. № 1. С. 200–202 (0,3 п.л.).

7. Клочков В.В. Особенности английской партийно-политической системы в первой половине XIX в. // Известия Таганрогского гос. радиотехнич. ун-та. 2002. № 4. С. 135–145 (0,8 п.л.).

8. Клочков В.В. Идея и институт собственности в английском праве раннего Нового времени // История государства и права. М., 2010. № 12. С. 13–16 (0,5 п.л.).

9. Клочков В.В. Эволюция английской монархии в раннее Новое время: постановка проблемы и направления исследования // Вестник Орловск. гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитарные исследования. Орел, 2011. № 3 (17). С. 39–42 (0,4 п.л.).

10. Клочков В.В. Идентичность, право и религия как факторы ограничения королевской прерогативы в Англии XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 4 (10). Ч. 3. С. 51–58 (0,8 п.л.).

11. Клочков В.В. Прерогативные полномочия английской короны в раннее Новое время // Известия Южного федер. ун-та. Сер.: Технические науки. Ростов н/Д, 2012. № 1. С. 224–228 (0,4 п.л.).

12. Клочков В.В. Партии в политической системе Великобритании XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 9 (23). Ч. 1. С. 102–106 (0,6 п.л.).

13. Клочков В.В. Кабинет министров в политической системе Великобритании XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические

науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 11 (25). Ч. 1. С. 68–71 (0,4 п.л.).

14. Клочков В.В. Славная революция 1688 г.: аспекты историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 11 (37). Ч. 1. С. 99–102 (0,4 п.л.).

15. Клочков В.В. Система политического представительства в Великобритании XVIII в. // Известия Южного федер. ун-та. Сер.: Технические науки. Ростов н/Д, 2013. № 6. С. 244–221 (0,6 п.л.).

16. Клочков В.В. Эволюция системы политического представительства в Великобритании конца XVII – первой трети XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. №6 (56). Ч. 2. С. 82–86 (0,6 п.л.).

17. «Манифест из Тамуорта» как программа действий правительства Р. Пиля и парламентские выборы 1835 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 5 (79). С. 84–86 (0,4 п.л.).

18. Клочков В.В. «Оппозиция Его Величества»: партия тори в поисках новых инструментов обеспечения партийного единства в 1830–1834 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 7 (81). С.83–85 (0,4 п.л.).

19. Клочков В.В. «Акт о владениях и доходах ирландской церкви» 1833 г. и церковная политика британских консерваторов в первой половине 30-х гг. XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 12 (86). Ч. 1. С. 114–116 (0,4 п.л.).

20. Клочков В.В. Реформы 1828–1829 гг. и религиозные аспекты «конституционной революции» 1828–1832 гг. в Великобритании в британской историографии 1960 – начала 1990-х гг. // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2018. № 1. С. 131–134 (0,5 п.л.).

21. Клочков В.В. Френсис Роберт Бонэм и изменения в электоральной организации партии тори-консерваторов в первой половине 30-х гг. XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 3. С. 29–32 (0,5 п.л.).

22. Клочков В.В. Политический режим ограниченной монархии в Великобритании и процесс его трансформация на протяжении «долгого XVIII в.»: оценки современных историков // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2018. № 5. С. 52–55 (0,5 п.л.).

23. Партия тори в 1760–1832 гг.: проблемы идеологии и торийской идентичности в современной британской историографии // Манускрипт. Тамбов, 2018. № 7. С. 69–75 (0,5 п.л.).

Публикации в сборниках научных статей, индексируемых в РИНЦ

24. Клочков В.В. Парламентская процедура и формирование правовой политики английской короны в отношении институтов политического участия в первой трети XIX в. // Юридические технологии в правовой политике. Сб. статей. Саратов, 2013. Вып. 1. С. 16–28 (1,0 п.л.).

25. Клочков В.В. Общее право и проблема юридической фиксации прерогативных полномочий английской короны с точки зрения юридической техники // Юридические технологии в правовой политике. Сб. статей. Саратов, 2014. Вып. 2. С. 55–62 (1,0 п.л.).

26. Клочков В.В. Ф.Р. Бонэм и правовые аспекты электоральной организации британских политических партий // Алексеевские чтения. Материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 21–22 марта 2014 г. М., 2014. С. 74–83 (1,0 п.л.).

27. Клочков В.В. Место и роль партий в политической системе Великобритании «долгого XVIII в.» // Философия права. Ростов н/Д, 2014. № 3. С. 41–45 (0,5 п.л.).

28. Клочков В.В. Либеральный торизм и реформа системы поддержания общественного порядка в Великобритании конца 20-х гг. XIX в. // Юрист-Правоведь. Ростов н/Д, 2015. № 4. С. 8–12 (0,4 п.л.).

29. Клочков В.В. Правовая политика либеральных тори и реформа системы поддержания общественного порядка в Великобритании конца 20-х гг. XIX в. // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов, 2015. № 4. С. 117–121 (0,5 п.л.).

30. Клочков В.В. Ф.Р. Бонэм и электоральная организация партии тори-консерваторов в 1830-1835 гг. // Концепт. Современные научные исследования. Армавир, 2015. Т. 3. С. 83–89 (0,5 п.л.).

31. Клочков В.В. Английское общее право и его влияние на эволюцию политических институтов и практик до начала XIX в. // Юрист-Правоведь. Ростов н/Д, 2015. № 6. С. 67–72 (0,5 п.л.).

32. Клочков В.В. Адмирал «второго ряда» на борту великого флагмана: бой у острова Уэссан в судьбе сэра Огастеса Кеппеля и политический конфликт в британском парламенте конца 70-х гг. XVIII в. // Концепт. Современные научные исследования. Армавир, 2016. Т. 15. С. 896–900 (0,5 п.л.).

33. Клочков В.В. Парламентские выборы 1835 г. в Великобритании и «Манифест из Тамурорта» как программа действий первого консервативного кабинета с точки зрения юридической техники // Юридические технологии в правовой политике. Сб. статей. Саратов, 2016. Вып. 4. С. 26–40 (1,2 п.л.).

34. Клочков В. В. Эволюция английских политических институтов в XVI – конце XVIII вв. Учеб. пособие. Таганрог: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2016. 230 с. (14,5 п.л.).

35. Клочков В.В. Уильям Шоу Мэйсон, «Акт о владениях и доходах ирландской церкви» 1833 г. и церковная политика британских консерваторов в первой половине 30-х гг. XIX в. // Концепт. Современные научные исследования. Армавир, 2017. Т. 31. URL: <http://e-concept.ru/2017/970158.http> (1,0 п.л.).

36. Клочков В.В. Социальные порядки и традиция как разновидность правовых ценностей: объяснительные модели и современные подходы к исследо-

ванию // Правовой порядок и правовые ценности. Материалы I Междунар. науч.-практ. конф., с. Дивноморское, 21–24 сент. 2017 г. Ростов н/Д: Изд-во ДГТУ, 2017. С. 139–148 (1,0 п.л.).

37. Клочков В.В. Уильям Шоу Мэйсон, «Акт о владениях и доходах ирландской церкви» 1833 г. и роль исторической статистики в становлении правовой политики британских консерваторов по отношению к ирландской церкви в первой половине 30-х гг. XIX в. // Юридические технологии в правовой политике. Сб. статей. Саратов, 2017. Вып. 5. С. 5–13 (0,8 п.л.).

38. Клочков В.В. Артур Дж.Б. Марвик и междисциплинарные исследования: в поисках методологического консенсуса в истории // Единство в многообразии: наука и социальная практика в междисциплинарном фокусе. Материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 18–21 ноября 2017 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2018. С. 48–51 (0,5 п.л.).

39. Клочков В.В. «Конституционная революция» начала 20-х – середины 30-х гг. XIX в. и ее место в процессе становления конституционной монархии в Великобритании // Британский мир: опыт политического, социального и культурного развития. Материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 22–23 марта 2018 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. (0,4 п.л.).

Прочие публикации

40. Клочков В.В. Сэр Роберт Пиль: штрихи к портрету «консервативного реформатора» // Постигание политики. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1997. С. 28–39 (1,0 п.л.).

41. Клочков В.В. Особенности английской правовой системы первой половине XIX в. // Известия Таганрогск. гос. радиотехнич. ун-та. 1999. № 1. С. 155–158 (0,3 п.л.).

42. Клочков В.В. Правовые представления членов палаты общин накануне английской революции // Британские исследования. Сб. статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2006. Вып.1. С. 65–76 (1,0 п.л.).

43. Клочков В.В. Эволюция концепта «гражданское общество» // Cogito. Альманах общества интеллектуальной истории. Сб. статей. Ростов н/Д, 2008. Вып. 3. С. 58–66 (0,8 п.л.).

44. Клочков В.В. Идея и институт собственности в английском праве раннего Нового времени // Cogito. Альманах общества интеллектуальной истории. Сб. статей. Ростов н/Д, 2009. Вып. 4. С. 107–117 (0,8 п.л.).

45. Клочков В.В. Парламентские свободы и прерогативные полномочия английской короны в раннее Новое время // Известия Южного федер. ун-та. Сер.: Технические науки. Ростов н/Д, 2009. № 3. С. 195–199 (0,4 п.л.).

46. Клочков В.В. Кабинет Веллингтона и проблема правовых реформ в конце 20-х гг. XIX в. // Британские исследования. Сб. статей. Ростов н/Д, 2010. Вып. 3. С. 323–335 (1,0 п.л.).

47. Клочков В.В. Славная революция 1688 г. глазами современников и историографов // Cogito. Альманах общества интеллектуальной истории. Сб. статей. Ростов н/Д, 2011. Вып. 5. С. 121–129 (0,8 п.л.).

48. Клочков В.В. Система политического представительства и законодательная политика Великобритании XVIII – первой трети XIX в. // Законодательная политика РФ: проблемы юридической техники. Сб. статей. Саратов, 2012. Вып. 5. С. 166–173 (1,0 п.л.).

49. Клочков В.В. Парламентская сессия 1833 г. в Великобритании: проблемы ирландской церкви и становление новых конституционных принципов // Юрист-Правовед. Ростов н/Д, 2016. № 1. С. 65–70 (0,4 п.л.).

50. Клочков В.В. «Акт о владениях и доходах ирландской церкви» 1833 г. и его роль в церковной политике британских консерваторов // Философия права. Ростов н/Д, 2017. № 2. С. 61–64 (0,5 п.л.).

51. Клочков В.В. Либеральный торизм в Великобритании второй половины 20-х гг. XIX в. и формирование правовой политики в сфере деятельности судов общего права и системы поддержания общественного порядка // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов, 2017. № 3. С. 64–69 (0,5 п.л.).

52. Клочков В.В. Традиция и социальные порядки: объяснительные модели и современные подходы к исследованию // Философия права. Ростов н/Д, 2017. № 3. С. 18–23 (0,6 п.л.).

53. Клочков В.В. Религиозный контекст «конституционной революции» конца 20-х – начала 30-х гг. XIX в. в Великобритании и отмена ограничений политических прав диссентеров 1828 г. // Философия права. Ростов н/Д, 2018. № 1. С. 71–75 (0,5 п.л.).

54. Клочков В.В. Рациональная теория традиции и современная критическая методология исторического знания // Россия в современном мире: политико-правовой аспект. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 21 мая 2017 г. Ростов н/Д, 2017. С. 102–108 (0,5 п.л.).

55. Клочков В.В. «Рациональная теория традиции» М. Оукшотта: концепт и объяснительная модель в системе ценностей права // Россия в современном мире: политико-правовой аспект. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 24 мая 2018 г. Ростов н/Д, 2018. С. 138–144 (0,5 п.л.).

Клочков Виктор Викторович

**ПАРТИЯ ТОРИ-КОНСЕРВАТОРОВ
И «КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
1822–1835 гг. в ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 04.07.2018 г. Формат 60 X 84 1/16.

Печать цифровая. Уч.-изд. л. 2,0 Тираж 100 экз. Заказ № 143

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КМБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки200/1, тел.(863)243-41-66